

Александр ДЮМА

История
знаменитых преступлений

Александр Дюма

История знаменитых преступлений (сборник)

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178292
История знаменитых преступлений: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-25149-0*

Аннотация

«Знаменитые преступления» Александра Дюма-отца, быть может, известны менее его романов, однако не менее значимы в его творчестве. Это собрание интригующих историй о знаменитых преступниках и преступлениях в европейской истории – от эпохи Возрождения до XIX столетия, от Англии до России – представляет читателю живописную и устрашающую картину яростных страстей и ярких событий.

Вся человеческая мудрость заключается в двух словах: ждать и надеяться.

Содержание

Семейство Ченчи	4
Карл Людвиг Занд (1819)	24
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Дюма

История знаменитых преступлений

Семейство Ченчи

Если вы приедете в Рим и, конечно, посетите виллу Памфили, то, поискав там под высокими соснами и у каналов тени и прохлады, которые так редки в столице христианского мира, вы отправитесь на холм Джаникуло по прелестной дороге и на середине ее увидите источник Паолины. Миновав этот памятник и задержавшись на минуту на террасе церкви Сан-Пьетро-ин-Монторио, возвышающейся над Римом, вы посетите монастырь Браманте¹, в центре которого в небольшой впадине, на том самом месте, где был распят апостол Петр, построен маленький храм, полугреческий-полухристианский; затем через боковую дверь вы войдете в самое церковь. Там чичероне заставит вас посмотреть в первом приделе справа «Бичевание Христа» Себастьяно дель Пьомбо², а в третьем приделе слева «Христа во гробе» Фьяминго; дав вам вволю налюбоваться этими двумя шедеврами, он проведет вас по всем четырем концам нефа и трансепта и продемонстрирует в одном картину Сальвиати, писанную в серо-жемчужных тонах, а в другом холст Вазари, потом, приняв скорбный вид, он покажет вам над главным алтарем копию «Мученичества святого Петра» Гвидо и сообщит, что в течение трех столетий здесь любовались «Преображением» божественного Рафаэля, которое в 1809 году было похищено французами, а в 1814 возвращено союзниками папе. Но поскольку вы, очевидно, уже восхищались этим шедевром в Ватикане, не мешайте ему говорить и поищите у алтаря надгробную плиту, которую вы распознаете по кресту и одному-единственному слову «Orate»³; под этой плитой погребена Беатриче Ченчи, чья трагическая история, несомненно, произведет на вас глубокое впечатление.

Она была дочерью Франческо Ченчи. И если кто-то верит, что люди рождаются в гармонии со своим временем, причем одни это понимают в хорошем смысле, а другие иначе, то, может быть, нашим читателям будет любопытно бросить взгляд на период, предшествующий тому, когда произошли события, о которых мы намерены рассказать. И тогда Франческо Ченчи предстанет перед ними как дьявольское воплощение своей эпохи.

11 августа 1492 г., после продолжительной агонии Иннокентия VIII⁴, во время которой на улицах Рима было совершено двести двадцать убийств, на папский престол взошел Александр VI. Сын сестры папы Каликста III⁵, Родриго Ленцоли Борджа, прежде чем стать кардиналом, прижил пятерых детей с римлянкой Ваночцей Катаней, которую впоследствии выдал замуж за богатого римлянина. Вот его дети:

Джованни, который был герцогом Гандии.

Чезаре, который был епископом, кардиналом, а потом герцогом Валентинуа.

Лукреция, побывав сперва любовницей отца и обоих братьев, четырежды выходила замуж: в первый раз за Джованни Сфорца, владельца Пезары, которого оставила по причине его импотенции; во второй – за Альфонсо, герцога Бичелья, которого Чезаре приказал убить;

¹ Браманте, Донато (1444–1514) – итальянский архитектор. В 1502 г. построил во дворе церкви Сан-Пьетро-ин-Монторио упоминаемый А. Дюма небольшой храм, называемый Темплетто, т. е. «храмик», шедевр архитектуры Высокого Возрождения. (Здесь и далее примеч. переводчиков, кроме специально оговоренных случаев.)

² Здесь и ниже Дюма упоминает итальянских художников периода Возрождения: Себастьяно дель Пьомбо (1485–1547), Чекко Росси де Сальвиати (1510–1563), Гвидо Рени (1575–1642), Джорджо Вазари (1511–1574).

³ Молитесь (лат.).

⁴ Иннокентий VIII (1432–1492) – римский папа с 1484 г.

⁵ Каликст III (Альфонсо Борха) – римский папа в 1455–1458 гг.

в третий за Альфонсо д'Эсте, герцога Феррарского, с которым она также развелась; наконец, в четвертый – за Альфонса Арагонского, который сперва был пронзен кинжалом на ступенях базилики Св. Петра, а через три недели удушен, так как слишком долго не желал умирать от ран, хотя те были смертельными.

Гофредо, граф Скуиллаче, о котором почти ничего не известно.

И наконец, последний, о котором не известно совершенно ничего.

Самым знаменитым из троих братьев был Чезаре Борджа; он все подготовил к тому, чтобы стать после смерти отца королем Италии, и меры были приняты им такие, что не оставалось никаких сомнений в успехе этого грандиозного плана. Предусмотрены были все обстоятельства, кроме одного, но, чтобы предвидеть его, надо было быть дьяволом. Однако пусть читатель судит сам.

Папа пригласил кардинала Адриана отужинать на своем винограднике в Бельведере. Кардинал Адриан был безмерно богат, и папа жаждал стать его наследником, как уже стал наследником кардиналов Сант-Анджело: Капуанского и Моденского. Для этой цели Чезаре Борджа прислал отцовскому кравчему две бутылки отравленного вина, однако не поставил его в известность о том, что оно отравлено, а лишь распорядился подать это вино только тогда, когда будет приказано; к несчастью, кравчий на минуту удалился, а в это время ничего не подозревающий слуга налил вина из одной из этих бутылок папе, Чезаре Борджа и кардиналу Корнето.

Александр VI скончался через несколько часов; Чезаре Борджа долго был прикован к постели, и у него слезла вся кожа; кардинал же Корнето, утратив зрение и способность пользоваться остальными органами чувств, тяжело заболел и уже думал, что умрет.

Александру VI наследовал Пий III; он пробыл на папском престоле двадцать пять дней, а на двадцать шестой был отравлен.

Чезаре Борджа опирался на восемнадцать испанских кардиналов, которые были обязаны ему избранием в священную коллегия; они безоговорочно стояли за него, и он мог распоряжаться ими, как хотел. Но поскольку он все еще был при смерти и не в силах воспользоваться ими в своих целях, он продал их голоса Джулиано делла Ровере, и тот был избран папой под именем Юлия II. Рим Нерона сменили Афины эпохи Перикла.

Лев X⁶ продолжал линию Юлия II, и христианство в период его понтификата приняло языческий характер, что придавало эпохе, ежели перейти от искусства к нравам, несколько странный оттенок. Злодеяния мгновенно прекратились, уступив место порокам, но порокам очаровательным, в хорошем вкусе, вроде тех, которым предавался Алкивиад⁷ и которые воспевал Катулл⁸. Лев X умер, пробыв на папском престоле восемь лет восемь месяцев и девятнадцать дней и собрав за это время в Риме Микеланджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи, Корреджо, Тициана, Андреа дель Сарто, Фрате, Джулио Романо, Ариосто, Гвиччардини и Макиавелли⁹.

После его смерти за избрание соперничали Джулио Медичи и Помпео Колонна. Поскольку оба были опытные политики и ловкие царедворцы, а кроме того, практически равны по своим достоинствам, ни один из них долго не мог получить большинства, и кон-

⁶ Лев X (*Джованни Медичи*) (1475–1521) избран папой на конклаве в 1513 г.

⁷ Алкивиад (451–404 до н. э.) – афинский государственный деятель и полководец, ему приписывается склонность к мужеложству.

⁸ Гай Валерий Катулл (ок. 87 – ок. 54 до н. э.) – римский поэт.

⁹ Корреджо (*Аллегро*) Антонио (ок. 1489–1534); Тициан *Тициано Вечелли* (ок. 1476/1477–1576); Андреа дель Сарто (1486–1530); Фрате – прозвище Бартоломмео делла Порта (1472 или 1475–1517); Джулио Романо (*Джулио Пиппи*) (1492 или 1499–1546) – итальянские художники, работавшие в Риме. Ариосто, *Лудовико* (1474–1533) – итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд». Гвиччардини, Франческо (1483–1540) – итальянский философ-гуманист, историк («История Италии»). Макиавелли, Никколо (1469–1527) – итальянский политический мыслитель, писатель, сторонник объединения Италии.

клав все длился, к великому неудовольствию кардиналов. И вот однажды некий кардинал, видимо утомившийся более других, предложил вместо Медичи или Колонны избрать сына, одни говорят, ткача, а другие – пивовара из Утрехта, о котором никто до сей поры и не думал и который в ту пору был, в отсутствие Карла V, правителем Испанского королевства. Шутка имела успех; кардиналы обрадовались предложению, и вот так, по чистой случайности, Адриан¹⁰ стал папой.

То был подлинный фламандец, не знавший ни слова по-итальянски. Когда он прибыл в Рим и увидел шедевры греческих ваятелей, с огромными затратами собранные Львом X, то хотел отдать приказ разбить их, воскликнув: «Sunt idola antiquorum!»¹¹ Первейшей его заботой была посылка на имперский сейм в Нюрнберг, собравшийся по причине вызванного Лютером возмущения, нунция Франческо Керегати с инструкциями, которые вполне дают представление о нравах той эпохи.

«Чистосердечно признайте, – велел папа, – что Господь попустил сей раскол и смятение по причине грехов людей, особливо священнослужителей и князей церкви, ибо ведомо нам, что в курии происходит множество мерзостей».

Адриан хотел вернуть римлян к простым и строгим нравам времен раннего христианства и с этой целью подготовил разработанную до мелочей реформу. К примеру, из ста конюхов, которые были у Льва X, он оставил только двенадцать, и то лишь затем, чтобы, как он сказал, иметь на два конюха больше, чем у кардиналов.

Такой папа не мог долго править и умер через год после избрания. Назавтра после смерти дверь дома папского врача была украшена цветочными гирляндами с надписью: «Избавителю отечества».

Джулио Медичи и Помпео Колонна вновь вступили в соперничество. Опять начались интриги, конклав опять разделился, причем до такой степени, что кардиналы стали уже подумывать, а не стоит ли, дабы выйти из создавшегося положения, снова прибегнуть к однажды использованному средству, то есть избрать третье лицо; уже стали поговаривать о кардинале Орсини, но тут Джулио Медичи придумал достаточно невинную уловку. Ему не хватало пяти голосов; пять его сторонников предложили пяти сторонникам Колонны пари: они ставили сто тысяч дукатов против десяти тысяч, что Джулио Медичи не будет избран. В первом же после этого пари туре выборов Джулио Медичи получил пять недостававших ему голосов, но претензий тут никаких быть не могло: кардиналы отнюдь не продали голоса, они всего-навсего заключили пари.

В результате 18 ноября 1523 года Джулио Медичи был провозглашен папой под именем Климента VII. В тот же день он благородно уплатил пятьсот тысяч дукатов, проигранных его сторонниками.

В его понтификат, в один из тех семи месяцев, когда Рим, взятый солдатами-лютеранами коннетабля де Бурбона¹², с ужасом взирали, как оскверняются самые святыне реликвии, родился Франческо Ченчи.

Он был сыном мессира Ченчи, апостолического казначея в понтификате Пия V. Этот папа куда больше был занят духовными вопросами, нежели мирскими делами своего государства, и Никколо Ченчи весьма успешно воспользовался безразличием святейшего отца к светской стороне жизни, сколотив себе состояние, дававшее доход в сто шестьдесят тысяч

¹⁰ Адриан Дедел (1459–1523) – воспитатель императора Священной Римской империи Карла V, по настоянию которого в 1522 г. он был избран папой под именем Адриана VI.

¹¹ Это же древние идола! (лат.)

¹² Герцог де Бурбон Шарль (1490–1527) – коннетабль (главнокомандующий войсками) французского короля Франциска I, вступил в тайные сношения с императором Карлом V и после разоблачения бежал к испанцам, был назначен императором командующим имперской армией в Италии, в 1527 г. осадил Рим и во время осады был убит. Имперские войска, состоявшие по большей части из немецких наемников, взяли город и подвергли его чудовищному разграблению.

пиастров, то есть в два с половиной миллиона франков по теперешнему курсу. Франческо Ченчи, бывший его единственным сыном, унаследовал все это богатство.

Юность его прошла при папах, которые так были заняты лютеровой схизмой, что у них просто не было времени подумать о чем-либо другом. Поэтому дон Франческо Ченчи, родившись с дурными задатками и будучи притом обладателем огромного состояния, которое обеспечивало ему безнаказанность, имел возможность следовать всем побуждениям своего пылкого и необузданного темперамента. Трижды оказавшись в тюрьме по причине своих гнусных любовных наклонностей, он выходил из нее, платя за это примерно по двести тысяч пиастров, то есть три миллиона франков. Надо заметить, что в ту эпоху папы крайне нуждались в деньгах.

Серьезно начали заниматься Франческо Ченчи при папе Григории XIII¹³. И то сказать, понтификат наилучшим образом подходил для того, чтобы добиться дурной славы, к которой стремился этот странный донжуан. В правление болонца Бонкомпаньи в Риме было позволено все при условии, что человек мог заплатить и убийце и судьям. Насилие и душегубство стали настолько обычным делом, что правосудие практически не занималось подобными пустяками, ежели на месте не оказывалось никого, чтобы преследовать преступника; зато Господь вознаграждал доброго Григория XIII за его снисходительность – доставил ему радость узреть Варфоломеевскую ночь.

В ту пору Франческо Ченчи было уже года сорок четыре – сорок пять; росту он был около пяти футов четырех дюймов, хорошо сложен и очень силен, хотя с виду худощав. Волосы у него были с проседью, глаза большие и выразительные, правда, верхние веки несколько тяжеловаты, нос длинный, губы тонкие, улыбка приятная; впрочем, она очень легко меняла выражение и становилась злобной, ежели его взгляд встречал врага; тогда, а равно при незначительном даже волнении или гневе его начинала бить нервическая дрожь, которая продолжалась, хотя и куда слабее, еще долго после того, как приступ, вызвавший ее, прекращался. Ловкий во всех телесных упражнениях, особенно в верховой езде, он неоднократно проезжал из Рима в Неаполь без остановки, хотя расстояние между этими городами составляет сорок одно лье, причем ехал через леса Сан-Джермано и Понтинские болота, ничуть не тревожась из-за разбойников, а ведь несколько раз он этот путь проделывал один, вооруженный только шпагой или кинжалом. Когда конь его падал от усталости, он покупал другого, а ежели продавать не хотели – брал силой; в случае сопротивления наносил удар, и всегда сталью, а не кулаком. Впрочем, поскольку во всех владениях, принадлежащих его святейшеству, хорошо знали и самого Ченчи, и его щедрость, никто не противился его воле – одни движимые страхом, другие корыстью. Нечестивец, богохульник и атеист, он никогда не ходил в церковь, а уж если заглядывал туда, то лишь ради какого-нибудь богохульства. Ходили толки, что он жаден до всяких нелепостей и несообразностей и что нет такого преступления, которого он не совершил бы, ежели полагал, что оно позволит ему испытать какое-нибудь новое ощущение.

В возрасте около сорока пяти лет он женился на одной очень богатой женщине, имени которой не приводит ни один из хронистов. Она скончалась, оставив ему семь детей – пятерых сыновей и двух дочек. После ее смерти он женился вторым браком на Лукреции Петрони; у нее была ослепительно белая кожа, и она являла собой совершенный тип римской красоты. Второго его брак был бездетным.

Франческо Ченчи ненавидел своих отпрысков, как если бы ему были совершенно чужды все естественные человеческие чувства, и даже не пытался скрывать ненависть, которую к ним питал. Он велел построить во дворе своего великолепного дворца, расположенного неподалеку от берега Тибра, церковь во имя св. Фомы и однажды, велев архитектору

¹³ Григорий XIII (Уго Бонкомпаньи) (1512–1586) – папа с 1572 г., ввел современный (григорианский) календарь.

показать план склепа, бросил: «Вот сюда я надеюсь всех их уложить». Архитектор впоследствии признавался, что пришел в ужас от зловещего смеха, каким Франческо Ченчи сопровождал свое высказывание, и что, если бы не большие деньги, которые ему предстояло получить, он тут же отказался бы продолжать строительство.

Чуть только старшие его сыновья Джакомо, Кристофоро и Рокко выросли, он тут же отослал их в Испанию в Саламанкский университет; очевидно, Франческо полагал, что достаточно их удалить – и он навсегда избавится от них; едва они уехали, он перестал думать о них и даже посылать им содержание. После нескольких месяцев борьбы с нищетой трем несчастным юношам пришлось покинуть Саламанку; пешком, босые, прося по пути подаяние, они пересекли всю Францию и Италию, возвратились в Рим и обнаружили, что отец стал еще более суровым, непримиримым, жестоким, чем прежде.

То были первые годы правления Климента VIII¹⁴, славившегося справедливостью. Молодые люди решили обратиться к нему с прошением, чтобы его святейшество повелел их отцу назначить им из своих огромных богатств хотя бы небольшую пенсию. Они приехали во Фраскати, где папа строил прекрасную виллу Альдобрандини, и представили ему свою просьбу; папа признал их правоту и повелел Франческо выплачивать каждому из них пенсию в две тысячи экю. Франческо всеми правдами и неправдами пытался обойти это решение, но получил настолько точный приказ, что ему оставалось только подчиниться.

Как раз в это время он в третий раз был заключен в тюрьму за свои гнусные любовные похождения. Трое его сыновей вновь обратились к папе, утверждая, что отец бесчестит их имя, и умоляя применить к нему закон во всей его строгости. Папа счел такой поступок сыновей чудовищным и с позором прогнал их с глаз. Франческо же и на этот раз, как дважды до этого, уплатив большие деньги, вышел из тюрьмы.

Само собой разумеется, подобные прошения не способствовали тому, чтобы ненависть, какую испытывал Франческо к своим детям, превратилась в любовь, но поскольку сыновья, обретшие независимость благодаря получаемой ими пенсией, имели возможность избежать злобы отца, гнев его обратился на двух несчастных дочерей. Вскоре их положение стало до такой степени невыносимым, что старшая, хотя за ней был очень суровый надзор, сумела переслать папе слезное прошение, в котором рассказывала о чудовищном обращении с нею и умоляла его святейшество выдать ее замуж либо поместить в монастырь. Климент VIII сжалился над ней; он заставил Франческо Ченчи дать дочери в приданое шестьдесят тысяч экю и выдал ее за Карло Габриелли из благородного рода Губбио. Франческо чуть было не сошел с ума от злости, что у него вырвали эту жертву.

К тому времени смерть освободила его от двух детей; Рокко, а примерно год спустя и Кристофоро были убиты: один – колбасником, имя которого не сохранилось; второй – Паоло Корсо ди Масса. Это хоть в какой-то мере утешило Франческо, который и после смерти преследовал сыновей своей скаредностью: он объявил священникам, что не возместит церкви ни гроша из расходов на похороны. Умерших опустили в склеп, который Франческо сам приготовил для них, в гробах, предназначенных для нищих; увидев их, лежащих рядом, он воскликнул, что уже вполне счастлив, поскольку избавился от двух столь мерзких тварей, но полное счастье изведает, только когда остальные пятеро детей улягутся рядышком с первыми двумя, а когда умрет последний, он в знак радости устроит иллюминацию у себя во дворце, предав его огню.

Тем не менее Франческо принял все предосторожности, чтобы вторая дочь его Беатриче Ченчи не последовала примеру старшей. В ту пору Беатриче было лет двенадцать-тринадцать, она была прекрасна и невинна, как ангел. Длинные светлые волосы того дивного оттенка, который настолько редок в Италии, что Рафаэль почитал его божественным и при-

¹⁴ Климент VIII (Ипполито Альдобрандини) (1536–1605) – римский папа с 1592 г.

давал всем своим мадоннам, обрамляли лицо восхитительного очертания и крупными кудрями струились у нее по плечам; лазурно-голубые глаза сияли небесной добротой; она была среднего роста, но сложена очень пропорционально, и в те редкие мгновения, когда не плакала и могла высказать свой природный нрав, становилось ясно, что у нее живой, жизнерадостный, ласковый, но в то же время твердый характер.

Для вящего своего спокойствия Франческо держал ее взаперти в комнате, отделенной от остального дворца, и ключ от этой комнаты был только у него. Каждый день этот странный, непреклонный тюремщик навещал ее, принося еду. До того как ей исполнилось тринадцать лет, Франческо был с нею неумолимо суров, но вскоре, к удивлению несчастной Беатриче, стал ласковей. А произошло это потому, что Беатриче из ребенка превратилась в девушку, ее красота раскрылась, как цветок, и Франческо, не страшившийся никакого преступления, остановил на ней похотливый взор, кровосмесительный выбор.

Само собой разумеется, что при том воспитании, какое получила Беатриче, лишенная общения с людьми и даже с мачехой, она пребывала в полном неведении относительно добра и зла, и погубить ее было легче, нежели кого-либо другого; тем не менее Франческо, чтобы добиться своей дьявольской цели, пустил в ход всю свою изобретательность.

В течение некоторого времени Беатриче каждую ночь просыпалась от сладостной музыки, доносившейся, казалось ей, из рая. Когда она заговорила об этом с отцом, он не разрушил ее иллюзию и только добавил, что ежели она будет ласковой и покорной, то по особой милости Господа не только услышит райскую музыку, но и увидит сам рай.

Действительно, однажды ночью, когда Беатриче, лежа в постели, внимала чарующей гармонии, дверь ее комнаты внезапно растворилась, и взгляд ее из темноты проник в ярко освещенные залы, наполненные ароматами, какие вдыхаешь в снах; по залам прохаживались прекрасные юноши и женщины, излучавшие, казалось, радость и счастье; они были полунагие, как на виденных ею полотнах Гвидо и Рафаэля; то были миньоны и фаворитки Франческо, который при своем поистине королевском богатстве каждую ночь устраивал оргии, подобные оргиям Александра Борджа на свадьбах Лукреции и распутству Тиберия¹⁵ на Капри. Через час дверь затворилась, скрыв соблазнительные картины и оставив Беатриче в изумлении и тревоге.

Следующей ночью все повторилось с той лишь разницей, что на сей раз Франческо вошел в комнату дочери и пригласил ее принять участие в празднестве. Франческо был голый. Сама не зная почему, Беатриче поняла, что поступит скверно, уступив настояниям отца, и ответила, что не видит среди этих женщин Лукрецию Петрони, свою мачеху, а потому не смеет встать с постели и выйти к незнакомым людям. Франческо угрожал и умолял, но и угрозы, и мольбы оказались безуспешными. Беатриче завернувшись в простыни и наотрез отказалась подчиниться отцу.

Назавтра она легла в постель одетая. В обычный час дверь отворилась, и Беатриче вновь увидела ту же картину. Но теперь среди женщин, прогуливавшихся у дверей Беатриче, была и Лукреция Петрони: муж силой принудил ее к этому позору. Беатриче находилась слишком далеко, чтобы видеть ее слезы и краску стыда. Франческо указал дочери на мачеху, которую она тщетно искала вчера, и поскольку девочке нечего было возразить, он повел ее, зардевшуюся и смущенную, туда, где происходила оргия.

Там Беатриче увидела вещи доселе неведомые и омерзительные!

Тем не менее она долго сопротивлялась: некий внутренний голос подсказывал ей, что все это чудовищно, но Франческо была свойственна неспешная настойчивость демона. Эти картины, которые, как он полагал, способны пробудить чувственность девочки, он сопровождал и лживыми измышлениями, дабы ввести ее в заблуждение; он говорил ей, что все

¹⁵ *Тиберий* (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.) – римский император с 14 г. н. э. С 26 г. безвыездно пребывал на о. Капри.

величайшие святые, которых чтит христианская церковь, рождены от сожительства отца с дочерью, и Беатриче совершила преступление, даже не подозревая, какой это грех.

С тех пор грубости и свирепости Франческо не было предела: он принудил Лукрецию и Беатриче одновременно делить с ним ложе, пригрозив жене убить ее, если она хоть словом обмолвится дочери, сколь чудовищно такое совместное сожительство. Так все и продолжалось в течение почти трех лет.

И тут Франческо потребовалось на время уехать, и женщины остались одни. Первое, что сделала Лукреция, – открыла Беатриче глаза на всю постыдность их жизни; и тогда они написали папе совместное прошение, в котором рассказывали, сколько им пришлось вынести издевательств и побоев. Однако Франческо Ченчи принял перед отъездом меры предосторожности: все, кто окружал папу, были либо подкуплены, либо надеялись на мзду. Жалоба не дошла до его святейшества, и несчастные женщины, припомнив, как Климент VIII некогда прогнал с глаз Джакомо, Кристофоро и Рокко, решили, что они тоже лишены покровительства закона, и больше уже ни на что не надеялись.

Тем временем, пользуясь отсутствием отца, их навестил Джакомо и привел с собой своего друга, аббата по фамилии Гуэрра; то был молодой человек лет двадцати пяти – двадцати шести, принадлежавший к одному из самых знатных римских родов, обладавший пылким, решительным и отважным нравом, а что касается внешности, то молва о его красоте была на устах всех женщин. У него были крупные римские черты лица, поразительно ласковые синие глаза, длинные светлые волосы и при этом темно-русые борода и брови; добавьте к этому обширные знания, обаятельное природное красноречие, проникновенный мягкий голос, и вы будете иметь представление об аббате Гуэрре.

Он влюбился в Беатриче с первого взгляда. Девушка тоже прониклась симпатией к красавцу-прелату. Дело происходило до Тридентского собора¹⁶, и духовные лица еще могли вступать в брак. Было договорено, что после возвращения Франческо аббат Гуэрра попросит у него руки дочери, и обе женщины, счастливые отсутствием их господина, строили планы на лучшее будущее.

Месяца через четыре возвратился Франческо, причем никто не знал, что он делал все это время. В первую же ночь он пожелал предаться кровосмесительным забавам с дочерью, однако Беатриче была уже не та: вместо боязливого, покорного ребенка он увидел возмущенную девушку; на нее не действовали ни мольбы, ни угрозы, ни побои: любовь придала ей силы.

Гнев Франческо пал на жену; обвинив ее в том, что она его предала, он жестоко избил ее палкой. Лукреция Петрони была истинной римской волчицей, страстной и в любви, и в мщении; она все вытерпела, но ничего не простила.

И вот спустя несколько дней аббат Гуэрра явился к Франческо Ченчи с намерением просить руки его дочери. Гуэрра был богат, молод, красив, происходил из благородной семьи, так что у него не было никаких сомнений в положительном ответе, и однако Франческо грубо выпроводил его. Тем не менее отказ не обескуражил молодого человека, он возобновил попытку еще раз, а затем и в третий, доказывая все преимущества этого брака. Наконец потерявший терпение Франческо объявил, что есть одна важная причина, по которой Беатриче никогда не станет женой Гуэрры, равно как и ничьей другой. Гуэрра поинтересовался, что же это за причина, и Франческо ответил:

– Потому что она моя любовница.

¹⁶ *Тридентский собор* – вселенский собор католической церкви, заседавший в 1545–1563 гг. в г. Тренто (лат. Тридентум), на котором были проведены значительные церковные реформы.

Услышав такой ответ, монсеньор Гуэрра побледнел и поначалу не хотел верить, однако, увидев, какой улыбкой Франческо Ченчи сопровождал свои слова, понял: это правда, как она ни чудовищна.

Три дня понадобилось Гуэрре, чтобы проникнуть к Беатриче, и наконец он увиделся с нею. Он еще надеялся, что Беатриче скажет, что отец солгал, однако она ничего не стала отрицать. С этой минуты для влюбленных не осталось никакой надежды: их разделила непреодолимая пропасть. Молодые люди расстались в слезах, поклявшись вечно любить друг друга.

Между тем обе женщины еще не приняли никакого преступного решения, и, возможно, все так бы и пошло без шума и огласки, если бы однажды ночью Франческо не вошел в комнату к дочери и вновь не принудил силой к греху кровосмешения. Тем самым он подписал себе приговор.

Мы уже говорили, Беатриче принадлежала к существам, способным и на самые темные, и на самые светлые чувства, она могла вознестись и на вершины добра, и пасть в бездну зла. Она обратилась к мачехе и поведала ей о новом осквернении, жертвой которого стала; рассказ напомнил Лукреции, как муж избил ее, и обе женщины, наперебой растравляя обиды друг друга, решили убить Франческо.

На совет относительно убийства позвали Гуэрру. Сердце его было исполнено ненависти, он думал только о мести. Гуэрра вызвался привести Джакомо Ченчи, без которого женщины не соглашались приступить к решительным действиям, поскольку он, как старший сын, был главой семьи. Джакомо Ченчи сразу же согласился вступить в заговор. Как помнят читатели, некогда Джакомо сам страдал от отца; впоследствии он женился, и неумолимый старик оставил его вместе с женой и детьми в бедности. Для обсуждения подробностей были выбраны апартаменты монсеньора Гуэрры. Джакомо нашел одного сбира¹⁷, которого звали Марцио, второго, по имени Олимпио, нашел Гуэрра.

У обоих были причины пойти на преступление: у одного это была любовь, у второго – ненависть. Марцио был в услужении у Джакомо, имел возможность видеть Беатриче, в которую и влюбился; эта, само собой разумеется, безмолвная, безнадежная любовь терзала ему душу. Подумав, что преступление как-то приблизит его к Беатриче, он согласился без раздумий.

Что же касается Олимпио, он ненавидел Франческо, потому что из-за него потерял место кастеляна замка-крепости Рокка Петрелла, находящегося в Неаполитанском королевстве и принадлежащего князю Колонна. Почти каждый год Франческо Ченчи с семейством проводил несколько месяцев в Рокка Петрелле: князь Колонна, высокородный и блистательный вельможа, частенько испытывал нужду в деньгах и находил их в кошельке Франческо, а посему был весьма предупредителен к своему другу. Франческо, имевший какие-то причины для недовольства Олимпио, пожаловался на него князю Колонна, и Олимпио прогнали.

И вот к какому пришли решению после неоднократных встреч и обсуждений, в которых участвовали обе женщины, Джакомо, Гуэрра, Марцио и Олимпио, и каждый высказал свое мнение.

Приближалась пора, когда Франческо Ченчи обычно уезжал в Рокка Петреллу; было решено, что Олимпио, прекрасно знающий те места, наберет дюжину разбойников; получив весть, что Франческо выехал, они спрячутся в придорожном лесу, нападут и захватят его вместе со всем семейством. Затем, договорившись о большом выкупе, детей отпустят в Рим собрать деньги, однако те изобразят дело так, будто денег не смогли найти, пропустят установленный разбойниками срок, и Франческо убьют. Таким образом подлинные убийцы уйдут из-под подозрения и избегнут кары.

¹⁷ *Сбир* в итальянском языке имеет два значения: полицейский и, как в данном случае, наемный убийца.

Однако прекрасно продуманный замысел не удался. Когда Франческо выехал из Рима, посланец заговорщиков не сумел найти разбойников, те, не получив вовремя предупреждения, не смогли исполнить уговор и слишком поздно спустились с гор на дорогу. К тому времени Франческо уже проехал и, целый и невредимый, прибыл в Рокка Петреллу. Разбойники, безрезультатно прождав в укрытии, сообразили, что добыча от них ускользнула, и, не желая более оставаться в местности, где пробыли уже почти неделю, сочли за лучшее поискать более верное дело.

Поселившись в крепости, Франческо, дабы беспрепятственно тиранить женщин, отослал в Рим Джакомо вместе с двумя другими еще оставшимися в живых сыновьями. После этого он опять возобновил гнусные посягательства на Беатриче, причем столь настойчиво, что она приняла решение сама совершить то, что прежде хотела исполнить чужими руками.

Олимпио и Марцио, которым нечего было бояться правосудия, продолжали бродить в окрестностях; однажды Беатриче увидела их из окна и дала знак, что хочет им кое-что сообщить. Ночью Олимпио, который некогда был кастеляном крепости и знал все ходы-выходы в ней, проник туда вместе со своим сотоварищем. Беатриче ждала их у окошка, выходящего в один из уединенных двориков; она передала им письма к монсеньору Гуэрре и Джакомо. Джакомо должен был, как и в первый раз, подтвердить свое согласие на убийство отца, без этого Беатриче не хотела ничего предпринимать. Монсеньор Гуэрра должен был уплатить тысячу пиастров, половину суммы, причитающейся Олимпио, ну а Марцио действовал из любви к Беатриче, перед которой он благоговел, как перед Мадонной; видя это, девушка подарила ему алый плащ, обшитый золотым галуном, и велела носить его, ежели он любит ее. Остаток же суммы женщины намеревались уплатить после смерти старика, когда вступят во владение его состоянием.

Сбиры уехали, и пленницы с тревогой стали ждать их возвращения. В условленный день Олимпио и Марцио вернулись. Монсеньор Гуэрра дал тысячу пиастров, а Джакомо – согласие. Итак, ничто не препятствовало исполнению чудовищного замысла, и уже была назначена дата – восьмое сентября, день Рождества Пресвятой Богородицы, но синьора Лукреция, будучи весьма набожной, обратила внимание на это обстоятельство и не захотела совершать двойной грех, так что все было передвинуто на девятое.

И вот 9 сентября 1598 года женщины, ужиная со стариком, подлили ему в бокал опума, причем так ловко, что при всей своей подозрительности он ничего не заметил, выпил снотворный напиток и вскоре заснул глубоким сном.

Марцио и Олимпио были в крепости, они прятались в ней всю прошлую ночь и весь день, поскольку, как помнят читатели, убийство было назначено на предыдущий день и тогда же и произошло бы, если бы не религиозная щепетильность синьоры Лукреции Петрони. Около полуночи Беатриче вывела убийц из их укрытия и впустила в спальню отца, собственной рукой распахнув перед ними дверь. Убийцы вошли, а женщины остались ждать в соседней комнате.

Через несколько секунд сбиры вышли бледные и растерянные; не произнося ни слова, они отрицательно покачали головами, и женщины поняли – ничего не сделано.

– В чем дело? – спросила Беатриче. – Что остановило вас?

– То, что убивать спящего старика – подлость. Мы подумали про его возраст и почувствовали жалость.

Беатриче презрительно вскинула голову и глухим, сдавленным голосом выбрала их:

– Вы, мужчины, притворяющиеся храбрыми и сильными, побоялись убить спящего старика! А что было бы, если бы он проснулся? И за это вы еще берете у нас деньги! Что ж, ваша трусость придала мне силы, и я сама убью своего отца, но помните, вы ненамного переживете его.

После таких слов сбирь устыдились своей слабости и, сделав знак, что исполняют обещанное, вошли в спальню в сопровождении обеих женщин. Лунный свет падал в открытое окошко на безмятежное лицо спящего старика, чьи седины совсем недавно вынудили убийцу отступить от задуманного.

Но на сей раз они подавили в себе жалость. Один из них держал два больших гвоздя наподобие тех, какими воспользовались при распятии Христа, а второй – молоток; первый вертикально приставил гвоздь к глазу Франческо, второй ударил по нему молотком, и гвоздь вошел в голову. Еще один гвоздь они вбили в горло, и душа Франческо, отягченная множеством грехов, которые он совершил в жизни, стремительно и неистово вырвалась из тела, конвульсивно дергавшегося на полу, куда оно скатилось.

После этого Беатриче, верная слову, вручила сбирям туго набитый кошелек с остатком условленной платы и отпустила их.

Как только Олимпио и Марцио ушли, женщины вырвали гвозди из ран, завернули труп в простыню и через все комнаты потащили к небольшой терраске, откуда намеревались сбросить его в заброшенный сад. Тем самым они надеялись создать впечатление, будто старик погиб, пойдя среди ночи в нужник, расположенный на другом конце галереи. У дверей последней комнаты силы оставили их, они решили минуту передохнуть, и тут Лукреция увидела обоих сбиров, которые еще не успели уйти и делили деньги. Она позвала их на помощь; Марцио и Олимпио перетащили труп на террасу и с места, указанного Беатриче, сбросили труп в заросли бузины, где он и застрял в ветвях.

Все получилось так, как и предвидели Беатриче и ее мачеха; утром обнаружили труп, застрявший в ветвях бузины, и все решили, что Франческо оступился на террасе (на ней не было парапета), упал и убился. На теле у него было множество ран, и никто не обратил внимания на те, что оставлены были гвоздями. Женщины, как только им сообщили эту весть, выбежали, издавая горестные вопли и заливаясь слезами, так что если у кого-то и могли возникнуть подозрения, столь неподдельное и глубокое горе тут же должно было их рассеять; но подозрений ни у кого и не появилось, если не считать замковой прачки: Беатриче дала ей постирать простыню, в которую был завернут труп Франческо, сказав, что ночью у нее случилось сильное кровотечение, отчего и запачкалась простыня. Прачка то ли поверила ей, то ли сделала вид, будто поверила; во всяком случае, тогда она ни словом не высказала ни сомнения, ни удивления. Прошли похороны, и женщины без всякой спешки возвратились в Рим, где собирались наконец-то зажить спокойной жизнью.

И пока они жили без страхов, хотя, возможно, и не без угрызений совести, начало свое дело правосудие Божие. Суд Неаполя узнал о скоропостижной и неожиданной смерти Франческо Ченчи и, заподозрив, что она была насильственной, направил в Петреллу королевского комиссара с приказанием произвести эксгумацию тела и отыскать на нем следы убийства, ежели таковое действительно имело место. По прибытии комиссара все обитатели замка были арестованы и в цепях препровождены в Неаполь. Однако никаких улик обнаружено не было, кроме показаний прачки, которая заявила, что Беатриче дала ей постирать простыню, запачканную кровью. И однако это была страшная улика, так как прачка, спрошенная, верит ли она по совести и чистосердечно, что происхождение пятен именно таково, какое ей назвала Беатриче, ответила, что не верит, поскольку для этой причины пятна ей показались слишком яркими и слишком красными.

Показания ее были отосланы в римский суд, но, разумеется, их оказалось недостаточно, чтобы арестовать семейство Ченчи. Прошло несколько месяцев, и никто их не тревожил. За это время умер младший сын Франческо Ченчи. Из пяти братьев в живых оставались только Джакомо, старший, и Бернардо, предпоследний. Несомненно, они могли бы спастись, бежать в Венецию или Флоренцию, но это им даже в голову не приходило, и они продолжали жить в Риме, ожидая развития событий.

Тем временем монсеньор Гуэрра узнал, что люди видели, как Марцио и Олимпио бродили в окрестностях крепости в дни, предшествовавшие убийству Франческо Ченчи, и что неаполитанская полиция получила приказ арестовать их.

Монсеньор Гуэрра был человеком чрезвычайно осторожным, и ежели он оказывался вовремя предупрежден, его трудно было захватить врасплох. Он послал двух сборов, поручив им убить Марцио и Олимпио. Тот, кому был поручен Олимпио, настиг его в Терни и честно заколол кинжалом, как было велено, но тот, что должен был убить Марцио, к сожалению, прибыл в Неаполь слишком поздно: днем раньше убийца попал в руки правосудия.

Подвергнутый пытке, Марцио во всем признался.

Его показания также были отосланы в Рим, куда вскорости был препровожден и он сам – для очной ставки с теми, кого он обвинял. Одновременно был отдан приказ об аресте Джакомо, Бернардо, Беатриче и Лукреции; поначалу местом заключения им был назначен дворец отца, где их стерегла сильная полицейская стража. Но улики становились все более и более тяжкими, и их перевели в замок Корте Савелла; там были проведены очные ставки с Марцио, однако они решительно отрицали не только свою причастность к преступлению, но даже знакомство с убийцей; замечательное самообладание выказала Беатриче: она попросила, чтобы ей первой устроили ставку с Марцио, и спокойно, с достоинством заявила, что доносчик лжет, и тогда молодой человек, видя, как она прекрасна, принял решение, уж коль он не может посвятить себя служению ей, хотя бы спасти ее ценою своей жизни. Он объявил, что все его показания были ложью и что он просит за это прощения у Бога и у Беатриче; ни угрозы, ни пытки с той поры не смогли вырвать у него других показаний; Марцио умер в муках, но продолжал молчать. Ченчи уже были уверены, что им удалось спастись.

Однако Господь своей благой волей решил иначе. Примерно в это же время был за какое-то преступление арестован сбор, убивший Олимпио. Поскольку у него не было причин одни преступления скрывать, а другие нет, он признался, что был нанят монсеньором Гуэррой избавить его от кое-каких неприятностей, которые мог причинить нанимателю некий убийца по имени Олимпио.

К счастью, монсеньор Гуэрра вовремя узнал об этом, а так как был он человеком весьма умным и ловким, то не стал предаваться страхам и впадать в отчаяние, как это сделал бы на его месте кто другой; как раз в то время, когда ему передали это сообщение, у него находился угольщик, снабжавший его дом углем; Гуэрра пригласил угольщика к себе в кабинет и первым делом вручил крупную сумму как плату за молчание, затем приобрел – на вес золота – старые, грязные отрепья, в которые был одет угольщик, обрезал свои чудесные волосы, за которыми так следил, перекрасил бороду, измазал лицо сажей, купил двух ослов, нагрузил их корзинами с углем и, изображая хромоту, пошел по римским улицам, крича: «Угля! Кому угля!» И покуда стража, сбившись с ног, искала его, он выбрался из города, встретил отряд наемных солдат, присоединился к ним и добрался до Неаполя, где сел на корабль. Что стало с ним дальше, неизвестно. Правда, некоторые говорят, но без всякой уверенности, будто он добрался до Франции и вступил там в швейцарский полк, состоявший на службе у Генриха IV.

Признания сбира и исчезновение монсеньора Гуэрры не оставили больше никаких сомнений в виновности Ченчи. Вследствие этого они были переведены из замка в тюрьму; оба брата, подвергнутые пытке, не нашли в себе сил молчать и признали себя виновными. Лукреция Петрони была настолько тучной, что не смогла вынести допроса на виске: чуть только ее оторвали от земли, как она взмолилась, чтобы ее отпустили, и рассказала все, что знала.

Что же касается Беатриче, она проявила исключительную твердость: ни обещания, ни угрозы, ни допрос с пристрастием ничего не смогли поделать с этим крепким и живучим организмом, она с потрясающим мужеством все отрицала, и судья Улиссе Москати, человек

весьма опытный в подобных делах, не сумел вырвать у нее ни единого слова, кроме тех, что она хотела сказать. Не решаясь брать на себя ответственность в столь чудовищном деле, он доложил обо всем Клименту VIII, и папа, опасаясь, как бы Москати, соблазненный красотой обвиняемой, которую ему приходится допрашивать, не проявил слабости в применении пыток, отстранил его и передал дело другому следователю, известному своей непреклонной твердостью.

Новый судья возобновил всю процедуру, касающуюся Беатриче, проверил все предшествовавшие допросы и, обнаружив, что она подвергалась только обычному допросу с пристрастием, распорядился применить к ней и обычную, и чрезвычайную пытки, каковой, как мы уже упоминали, была пытка на виске, самая ужасная из всех, какие только придумал человек, становящийся весьма изобретательным, когда дело касается мучений.

Но поскольку слова «допрос на виске» не дают читателю достаточно ясного представления о самой пытке, мы войдем в некоторые подробности на этот счет, а затем приведем протоколы отдельных эпизодов процесса, хранящиеся в Ватикане.

В Риме в ходу были самые разные пытки, но чаще всего применялись пытки свистульками, пытка огнем, пытка бессонницей и пытка на виске.

Пытка свистульками, самая мягкая из всех, применялась только к детям и старикам; состояла она в том, что под ногти допрашиваемому загоняли тростинки, срезанные наискось, как концы свистулек.

Пытка огнем была самой распространенной, пока не придумали пытку бессонницей, и заключалась в том, что ноги преступника держали над большим огнем, примерно так, как это делали наши «поджариватели»¹⁸.

При пытке бессонницей, изобретателем которой был некий Марсилиус, обвиняемого усаживали на остроугольную «кобылу» высотой пять футов, руки его привязывали за спиной к «кобыле»; по бокам у него садились два человека, сменявшиеся каждые пять часов, которые расталкивали его, стоило ему закрыть глаза. Марсилиус утверждал, что не видел ни одного человека, который сумел бы устоять перед этой пыткой, но он несколько прихвастнул. Хронисты констатируют, что из ста обвиняемых, подвергнутых пытке бессонницей, не признались лишь пятеро. Но и такой результат весьма лестен для изобретателя.

И наконец, пытка на виске, употреблявшаяся чаще других и известная во Франции под названием дыба.

У этой пытки было три степени: легкая, тяжелая и весьма тяжелая.

Первая степень, или легкая пытка, состояла в самом страхе перед пыткой: обвиняемому грозили, что его станут пытать, приводили в застенки, раздевали, связывали веревкой руки, как если бы намеревались приступить к пытке. Помимо страха, вызванного этими приготовлениями, производила действие и незначительная боль в связанных запястьях. Иногда оказывалось достаточно первой степени, чтобы заставить женщин и слабодушных мужчин признаться в совершении преступления.

Вторая степень, или тяжелая пытка, заключалась в следующем: раздетому донага обвиняемому связывали руки за спиной, а веревку продевали во вбитое в потолок кольцо и привязывали к вороту, с помощью которого пытаемого можно было поднимать и опускать, причем делалось это медленно или рывком – как распорядится судья. Подняв, его оставляли висеть, чтобы он не касался ногами пола, на время, за которое можно прочесть «Pater noster», «Ave Maria» или «Miserere»¹⁹. Ежели он и после этого не признавался, его подвешивали снова.

¹⁸ Разбойники времен Великой французской революции; они жгли своим жертвам ноги на огне.

¹⁹ Названия католических молитв, которым соответствуют православные «Отче наш», «Богородица, Дево, радуйся» и «Помилуй мя, Боже».

Этой пыткой второй степени завершался обычный допрос, который производился в тех случаях, когда преступление было возможно, но не доказано.

Пытка третьей степени, или весьма тяжелая, которой начинался чрезвычайный допрос, проходила так: после того как допрашиваемый провисел четверть часа, полчаса, три четверти часа или даже целый час, палач начинал его то ли раскачивать наподобие колокола, то ли отпускал вниз и вдруг резко останавливал на некотором расстоянии от пола; если обвиняемый выдерживал и не признавался, что было делом неслыханным, так как вследствие этой пытки у него оказывались вывернутыми суставы, да и веревка, стягивающая запястья, врезалась до кости, к ногам ему привязывали груз, что, увеличивая его вес, усиливало и мучения. Последняя пытка применялась в тех случаях, когда преступление было не только доказано, но и направлено против особ священных, как то: отец, кардинал, монах или ученый.

Читателю уже известно, что Беатриче была подвергнута обычному и чрезвычайному допросу, известно и в чем они состояли, а теперь дадим слово писцу, ведшему пыточные записи.

«Понеже в течение всего допроса она не желала ни в чем признаться, двум стражникам было велено препроводить ее из тюрьмы в пыточную камеру, в каковой ее ждал палач; там, после того как ей обрили волосы, палач усадил ее на низкую скамью, раздел, разул, связал руки за спиной, привязал к веревке, проходящей через блок, закрепленный в потолке оной камеры, а вторым концом привязанной к вороту, каковой вращается посредством четырех рукоятей двумя мужчинами.

И прежде чем подтянуть, мы вновь спросили ее на предмет вышеупомянутого отцеубийства, однако вопреки представленным ей признаниям брата и мачехи, каковые признания те подписали, она упорно все отрицала, говоря: «Подвесьте меня и делайте со мной все, что желаете, я вам сказала правду и ничего иного не скажу, даже если меня разрубят на части».

Вследствие чего мы приказали подтянуть ее за руки, связанные вышеупомянутой веревкой, на высоту около двух футов и оставили так на время, пока читали «Pater noster», после чего опять же спросили относительно событий и обстоятельств названного отцеубийства, но она не пожелала сказать ничего, кроме того, что уже сказала, не произнося иных слов, oprичь нижеследующих: «Вы убиваете меня! Вы убиваете меня!»

Мы распорядились подтянуть ее выше, а именно до высоты четырех футов, и начали читать «Ave Maria». Но посередине нашей молитвы она прикинулась, будто обмерла.

Мы велели плеснуть ей в лицо ведро воды, после чего она пришла в себя и закричала: «Боже мой! Смерть моя пришла! Вы убиваете меня! Боже мой!» – ничего же иного ответить не захотела.

Тогда мы приказали поднять ее еще выше и стали читать «Miserere», она же, вместо того чтобы присоединиться к нашей молитве, дергалась и вскрикивала, произнося неоднократно: «Боже мой! Боже мой!»

Спрошенная вновь относительно названного отцеубийства, не пожелала ничего признать, утверждая, что невиновна, а через несколько секунд обмерла.

Мы приказали снова облить ее водой, после чего она пришла в себя, открыла глаза и вскричала: «Проклятые палачи, вы убиваете меня! Убиваете меня!» – опять же не пожелала сказать ничего иного.

Видя таковое ее упорство в отрицании вины, мы приказали палачу произвести встряску.

Во исполнение палач подтянул ее на высоту десять футов, и мы попросили ее, подвешенную на таковой высоте, сказать нам правду, но то ли оттого, что она лишилась дара речи, то ли оттого, что не желала говорить, она в ответ покачала головой, что означало либо невозможность, либо нежелание отвечать.

Видя то, мы дали палачу знак отпустить веревку, и она всем своим весом упала с высоты десяти футов до высоты двух футов, от какового сотрясения у нее вывернулись руки; она громко возопила и сомлела, оставшись висеть как мертвая.

Мы приказали плеснуть ей в лицо воды, она пришла в себя и снова крикнула: «Гнусные мучители, вы убиваете меня, но даже если вырвете мне руки, я ничего другого вам не скажу!»

Вследствие этого мы приказали привязать ей к ногам груз в пятьдесят фунтов. Однако в этот момент растворилась дверь, и несколько голосов закричали: «Довольно! Довольно! Не заставляйте ее так долго мучиться...»

То были голоса Лукреции Петрони, Джакомо и Бернардо Ченчи. Судьи, видя упорство Беатриче, распорядились провести очную ставку обвиняемых, не видевшихся друг с другом уже пять месяцев.

Братья и мачеха вошли в застенок и увидели Беатриче, висящую с вывернутыми руками на дыбе и покрытую кровью, которая сочилась у нее из запястий.

– Мы совершили грех, – крикнул ей Джакомо, – и теперь надо покаяться, чтобы спасти душу, с чистым сердцем принять смерть, а не подвергать себя таким мучениям!

Покачивая головой, словно бы для того, чтобы умерить боль, Беатриче промолвила:

– Значит, вы хотите умереть? Что ж, раз вы этого хотите, пусть так оно и будет.

После этого она повернулась к стражникам и сказала:

– Развяжите меня и прочтите мне вопросы. То, что я по совести должна признать, я признаю, то же, что должна отрицать, буду отрицать.

После этого Беатриче опустили и развязали; цирюльник обычным способом вправил ей руки, затем, как она и просила, прочли вопросы, и она, исполняя данное обещание, во всем призналась.

После признания Беатриче их всех по просьбе братьев поместили в одной тюрьме, однако на следующий день Джакомо и Бернардо перевели в казематы Тординоне, а женщины остались там, где были.

Папа, прочтя признания, содержавшие все подробности преступления, исполнился столь великим негодованием, что приказал привязать преступников к хвостам необъезженных коней и протащить по улицам Рима. Однако такой суровый приговор вызвал всеобщее возмущение; множество самых влиятельных особ, кардиналов и князей на коленях умоляли святого отца отменить решение или хотя бы позволить приговоренным защищаться.

– А они, – спросил Климент VIII, – дали своему несчастному отцу возможность защищаться, когда бесчестно и безжалостно убивали его?

Наконец, уступая мольбам, он согласился на трехдневную отсрочку.

Тотчас же за это дело, так взволновавшее всех, взяли самые лучшие и самые знаменитые римские адвокаты; они принялись строчить прошения и заключения и в день, названный для суда, предстали перед его святейшеством.

Первым выступал Никколо дельи Анджели и уже с самого начала своей речи, во вступлении, был так красноречив, что вызвал волнение среди собравшихся, по которому стало ясно, что они на стороне обвиняемых. Ужаснувшись этому, папа неожиданно остановил его.

– Выходит, – негодуя произнес он, – ежели среди дворянства найдется человек, который убьет своего отца, то и среди адвокатов сыщутся люди, которые станут его защищать? Мы никогда не поверим в это и даже допустить подобную мысль не можем.

После столь суровой отповеди папы все, кроме Фариначчи, умолкли; он же, набравшись мужества при мысли о священном долге, возложенном на него, отвечал почтительно, но твердо:

– Пресвятой отец, мы пришли сюда не защищать преступников, но спасти невиновных. Ежели нам удастся доказать, что некоторые из обвиняемых действовали в порядке законной защиты, тогда, я надеюсь, их поступки предстанут вашему святейшеству как заслуживаю-

щие оправдания, ибо равно предусмотрены случаи, когда отец может убить свое дитя²⁰ и когда сын либо дочь могут убить своего отца. Посему мы будем выступать, когда ваше святейшество благоволит нам позволить это.

Климент VIII выказал столько же терпения, сколько перед тем негодования, и выслушал защитительную речь Фариначчи, который построил ее главным образом на том, что Франческо Ченчи перестал быть отцом с того момента, когда совершил насилие над дочерью. В качестве доказательства насилия он ссылаясь на прошение, направленное Беатриче его святейшеству, в котором она, по примеру сестры, умоляла папу забрать ее из отцовского дома и поместить в монастырь. К несчастью, прошение это, как мы уже говорили, исчезло, и хотя в канцелярии произвели тщательнейшие розыски, не удалось обнаружить никаких его следов.

Папа принял от адвокатов все приготовленные ими материалы, и те тотчас же удалились, за исключением Альтьери, который, преклонив колени перед папой, сказал:

— Пресвятой отец, я не мог поступить иначе и должен был предстать перед вами в связи с этим делом, поскольку являюсь адвокатом бедных, но я смиренно прошу меня за это простить.

На что папа, подняв его, благосклонно ответил:

— Ступайте, мы поражены не вами, но другими, которые им покровительствуют и защищают их.

Папа решил не спать всю ночь, поскольку принял это дело близко к сердцу, и стал изучать его вместе с кардиналом Сан-Марчелло, человеком весьма умным и опытным в подобных материях; затем, сделав заключение, он сообщил его адвокатам, и оно удовлетворило их; они уже начали обретать надежду, что приговоренные будут помилованы, поскольку по материалам дознания было доказано, что, хотя дети и восстали на отца, все обиды и насилия исходили от него, а по отношению к Беатриче эти обиды и насилия были таковы, что она, в определенном смысле, была принуждена пойти на чудовищное преступление тиранией, злодейством и жестокостью собственного отца. Мнение о том, что все склоняется к помилованию, было весьма велико, тем паче что папа распорядился вновь перевести обвиняемых в общую камеру и даже позволил обнадежить, что им сохранят жизнь.

Рим облегченно вздохнул, исполняясь надежды, как и это несчастное семейство, и обрадовавшись, словно милосердие проявлено было не к несчастным людям, а ко всем, как вдруг благие намерения папы развеяло новое преступление: шестидесятилетний маркиз ди Санта-Кроче был убит своим сыном Паоло ди Санта-Кроче, причем убит зверски: ему было нанесено кинжалом около двадцати ран; сын убил маркиза потому, что тот отказался назначить его единственным наследником. Убийца бежал.

Климент VIII содрогнулся, узнав о втором, почти что подобном преступлении, однако он вынужден был выехать в Монте-Кавалло, где следующим утром ему предстояло утвердить одного кардинала в настоятели церкви Санта-Мария дельи Анджели. Но после возвращения, а было это в пятницу 10 сентября 1599 года, он около восьми утра вызвал монсеньора Таверну, губернатора Рима, и сказал:

²⁰ В римских законах были предусмотрены случаи, когда отец может убить своего ребенка, и таковых случаев тринадцать. Первый. Если сын поднял руку на отца. Второй. Если сын жестоко оскорбил отца. Третий. Если сын обвинил отца в тяжком преступлении, кроме оскорбления величества и измены отечеству. Четвертый. Если сын связался со злонравными людьми. Пятый. Если сын строит козни, посягая на жизнь отца. Шестой. Если сын вступил в кровосмесительную связь с женой отца по второму браку или с его наложницей. Седьмой. Если сын отказывается выкупить отца, посаженного за долги в тюрьму. Восьмой. Если сын насильственно принуждает отца написать завещание. Девятый. Если сын против воли отца стал гладиатором или комедиантом. Десятый. Если дочь, отказавшись от вступления в брак, ведет распутную жизнь. Одиннадцатый. Если дети отказывают в заботах больному отцу. Двенадцатый. Если дети не намерены выкупить отца или мать, попавших в плен к неверным. Тринадцатый. Если сын отрекся от католической религии. (Примеч. автора.)

– Монсеньор, мы передаем вам дело Ченчи, дабы вы совершили справедливый суд и притом как можно скорей.

Выйдя от папы, монсеньор Таверна возвратился к себе во дворец и собрал всех уголовных судей города; на этом заседании Ченчи были приговорены к смертной казни.

Решение тут же стало известно, а поскольку несчастное семейство возбуждало все растущий интерес, множество кардиналов всю ночь мчались кто верхом, кто в карете упротить папу, чтобы хоть над женщинами приговор был исполнен тайно в тюрьме, а Бернардино, пятнадцатилетнему мальчику, который никакого участия в преступлении не принимал, но между тем был включен в число приговоренных, было даровано помилование. Более всего трудов и стараний в этом деле приложил кардинал Сфорца, однако не смог получить от его святейшества даже тени надежды. И лишь Фариначчи, сумевшему пробудить в папе угрызения совести, удалось добиться от него обещания, что Бернардино будет сохранена жизнь, и то лишь после долгих и настойчивых просьб.

Но уже накануне конгрегация братьев-утешителей направилась в тюрьмы Корте Савелла и Тординоне. Между тем, хотя приготовления к безмерной трагедии, которая должна была обрести развязку на мосту Св. Ангела, шли всю ночь, судебный пристав лишь в пять утра вошел в камеру к Беатриче и Лукреции Петрони, чтобы прочесть им приговор.

Обе они спали, даже не подозревая о событиях последних трех дней. Пристав разбудил их, дабы объявить, что люди осудили их и теперь им следует приготовиться предстать перед Богом.

Беатриче была раздавлена этим ударом; не найдя ни слова, чтобы посетовать на судьбу, ни одежды, чтобы прикрыть наготу, она, обнаженная, вскочила с кровати и стояла, качаясь, как пьяная; вскоре, однако, дар речи вернулся к ней, и она разразилась воплями и стенаниями. Лукреция же выслушала весть с куда большей твердостью и стойкостью; она стала одеваться, дабы отправиться в часовню, и при этом заклинала Беатриче смириться, но та все еще была как безумная, ломала руки, билась головой о стену, вскрикивая: «Умереть! Умереть! Так неожиданно умереть на эшафоте! На виселице! О Боже мой, Боже!» Истерика ее переросла в чудовищный пароксизм, вследствие которого Беатриче совершенно утратила телесную силу, зато обрела духовную, сделалась ангелом смирения и образцом стойкости.

Первое, чего она попросила, – позвать нотариуса, чтобы составить завещание. Просьба ее была немедленно удовлетворена. И когда тот пришел, намереваясь одним махом покончить с делом, она спокойно и обстоятельно стала диктовать ему свою последнюю волю. Покончив с завещанием, она попросила, чтобы тело ее погребли в церкви Сан-Пьетро-ин-Монторио, которая видна из дворца Ченчи и которую она особенно чтит. Пятьсот экю она оставила монахиням монастыря Ран Христовых и распорядилась, чтобы ее приданое, составлявшее пятнадцать тысяч экю, было разделено между пятнадцатью бесприданницами, дабы они смогли выйти замуж. Для погребения она выбрала место у подножия главного алтаря, над которым висела дивная картина «Преображение»: при жизни она многократно с восторгом созерцала ее.

По примеру Беатриче Лукреция тоже сделала последние распоряжения. Она попросила, чтобы тело ее было перенесено в церковь Сан-Джорджо-ин-Велабре, оставила тридцать два экю для раздачи милостыни, а также много другого имущества на богоугодные дела. Завершив распоряжения по завещаниям, обе женщины обратили сердца к Богу, опустили на колени и стали читать псалмы, литании и покаянные молитвы.

Они молились до восьми вечера, после чего попросились к исповеди и прослушали мессу, во время которой причастились; исполняя после этих святых приуготовлений совершеннейшего смирения, Беатриче обратила внимание мачехи, что непристойно им будет всходить на эшафот в праздничных нарядах; она заказала одеяния для синьоры Лукреции и для себя, распорядившись, чтобы они были сшиты по образцу монашеских, то есть закры-

тыми до шеи, просторными, с длинными и широкими рукавами. Для синьоры Лукреции – из черной шерсти, для себя – из тафты. Кроме того, себе она заказала небольшой тюрбан – покрыть голову. Одежания эти были им принесены вместе с веревками, чтобы подпоясаться; они положили их на стул и вновь стали молиться.

Подошел назначенный срок; женщин предупредили, что приближается их смертный час. Беатриче, до этого стоявшая на коленях, поднялась и со спокойным, почти радостным лицом промолвила:

– Госпожа матушка, вот и настал миг, когда начинается наш страстный путь. Думаю, нам пора подготовиться и оказать друг дружке последнюю услугу: помочь одеться, как мы всегда это делали.

Они облачились в подготовленные одежания, перепоясались веревками, Беатриче надела на голову тюрбан, и они стали ждать, когда за ними придут.

Тогда же прочли приговор Джакомо и Бернардо, и они тоже ждали, когда их поведут на казнь. К десяти часам флорентийское братство Милосердия прибыло к тюрьме Тординоне и со святым распятием встало у входа, дожидаясь несчастных молодых людей. Там с ними чуть не приключилась беда. Из окон тюрьмы высовывалось множество народу, желавшего посмотреть, как будут выводить приговоренных, и кто-то нечаянно столкнул большой цветочный горшок, полный земли; горшок упал и едва не убил брата, который шествовал впереди распятия, держа горящие свечи. Горшок пролетел так близко от свечей, что поток воздуха загасил пламя.

В этот миг ворота растворились; первым вышел Джакомо и тотчас же опустился на колени, с величайшим благоговением преклоняясь перед святым распятием. Он был одет в широкий траурный плащ с капюшоном, но под плащом грудь у него была обнажена, так как на всем пути палач должен был его пытаться раскаленными щипцами, которые лежали наготове в жаровне, установленной на повозке. Джакомо поднялся на повозку, и там за него взялся палач, исполняя то, что должен был делать. Затем вышел Бернардино, и, как только он появился, фискал²¹ Рима громко объявил:

– Синьор Бернардо Ченчи, во имя присноблаженного Искупителя наш святой отец папа дарует вам жизнь и повелевает только, чтобы вы сопутствовали вашим родичам до эшафота и до самой их смерти, а также наставляет вас не забывать молиться за тех, с кем вместе вы должны были умереть.

При этом неожиданном объявлении среди собравшихся прошел радостный ропот, и кающиеся братья немедленно повесили Бернардо на глаза небольшую дощечку, так как по причине его нежного возраста было сочтено, что ему не следует видеть эшафот.

Палач, который покончил с Джакомо, спустился, чтобы принять Бернардо, и как только тому было объявлено помилование, снял у него с рук цепи и, усадив на ту же повозку, где сидел брат, набросил на него великолепный плащ, обшитый золотым галуном, поскольку мальчика уже подготовили к отсечению головы и у него были обнажены шея и плечи. Многих удивило, откуда у палача такой богатый плащ, но им растолковали, что это тот самый, который Беатриче подарила Марцио, дабы склонить на убийство ее отца; палач же получил его в наследство после казни убийцы. Вид такого множества народа произвел столь сильное впечатление на Бернардо, что он лишился чувств.

Запели псалмы, и процессия тронулась, направляясь к тюрьме Корте Савелла. У ворот она остановилась в ожидании женщин; те вскоре вышли и тоже пали на колени, поклоняясь распятию; затем процессия продолжила путь.

Обе женщины шли друг за дружкой после кающихся братьев; головы у них были покрыты, длинные вуали спускались почти до пояса с той лишь разницей, что на синьоре

²¹ Фискал – чиновник, следящий за исполнением законов.

Лукреции, как на вдове, была черная вуаль и того же цвета туфли на высоких каблуках, украшенные по тогдашней моде пучками лент, а на незамужней Беатриче шелковый, как и безрукавка, берет, затылок и шея были закрыты куском бархата с серебряным шитьем, который доходил до плеч, ниспадая на ее лиловую рясу; обута она была в белые туфли на высоких каблуках, украшенные золотыми кистями и бахромой вишневого цвета; руки у женщин были связаны, но весьма свободно, веревкой, так что они могли держать в одной руке распятие, а в другой носовой платок.

В ночь с субботы на воскресенье на мосту Святого Ангела был воздвигнут эшафот, а на нем установлены помост и плаха. Над плахой между двумя брусьями было повешено широкое железное лезвие, которое, стоило отпустить пружину, скользило в пазах и всем своим весом обрушивалось на плаху.

У моста Св. Ангела процессия остановилась. Лукреция, будучи слабодушной Беатриче, горько плакала, у Беатриче же лицо было спокойное и замкнутое. Как только процессия вошла на площадь перед мостом, женщин немедленно отвели в часовню, где вскорости к ним присоединились Джакомо и Бернардо; вместе там они оставались недолго: очень скоро за братьями пришли, сперва за старшим, потом за младшим, и проводили их на эшафот, хотя Джакомо должны были казнить последним, а Бернардо получил помилование. Взойдя на помост, Бернардо вторично потерял сознание. Палач направился к нему, чтобы оказать помощь, и тут некоторые в толпе, решив, что мальчика сейчас казнят, стали громко кричать: «Он помилован!» Палач успокоил их и усадил Бернардо рядом с плахой. Джакомо встал на колени по другую сторону.

После этого палач спустился, прошел в часовню и вывел синьору Лукрецию, которую должны были казнить первой. У эшафота он связал ей руки за спиной, разорвал сверху корсаж, чтобы обнажить плечи, и попросил ее в знак примирения облобызать раны Христа; когда она это сделала, он помог ей подняться по лестнице, так как синьоре Лукреции по причине тучности самой взойти было трудно; на помосте он сорвал с нее вуаль. Синьора Лукреция испытывала великий стыд, оттого что все видят ее обнаженную грудь; когда же она взглянула на плаху, плечи у нее затрепетали, отчего вся толпа содрогнулась. И тогда синьора Лукреция со слезами на глазах громко произнесла:

– Господи, смилуйся надо мной, а вы, братья мои, молитесь за спасение моей души.

Произнеся эти слова и не зная, что дальше, она повернулась к Алессандро, старшему палачу, и спросила, что ей делать; он велел ей шагнуть на подножку и вытянуться вверх, что она и сделала с большим трудом и великим стыдом, но поскольку по причине своей высокой груди она никак не могла положить шею на плаху, пришлось подложить еще кусок дерева; все это время несчастная женщина ждала, страдая не столько от страха смерти, сколько от стыда; в конце концов все устроилось как надо, палач отпустил пружину, и отрубленная голова упала на эшафот, раза три подпрыгнула на виду у содрогнувшейся толпы, но тут палач подхватил ее и показал народу; затем он завернул ее в черную тафту и положил вместе с телом в гроб, стоящий у подножия эшафота.

Пока готовили эшафот для Беатриче, ступенчатые подмости, переполненные людьми, обрушились; многие при этом убились, но еще больше народу было покалечено и поранено.

Лезвие подняли, кровь смыли, и палач отправился в часовню за Беатриче, которая молилась перед распятием за спасение своей души и, увидев пришедшего палача с веревкой в руках, воскликнула:

– Богу угодно, чтобы ты связал тело, обреченное тлению, и развязал душу ради бессмертия!

Поднявшись с колен, она вышла из часовни, облобызала раны Христа, после чего, сняв туфли и оставив их у эшафота, медленно взошла по лестнице и, поскольку заранее справилась, что нужно делать, тут же ступила на подножку и быстро, чтобы толпа не видела ее

обнаженную грудь, положила голову на плаху. Но, несмотря на всю ее предусмотрительность и желание, чтобы казнь совершилась как можно скорей, ей пришлось ждать. Дело в том, что у папы, знавшего ее вспыльчивый нрав, появились опасения, как бы в промежутке между отпущением грехов и смертью она не совершила какой-либо грех, поэтому он приказал, когда Беатриче взойдет на эшафот, дать сигнал выстрелом пушки замка Святого Ангела, каковой выстрел вызвал огромное удивление у собравшихся, потому как никто, в том числе и Беатриче, не ожидали его; папа, который в это время молился в Монте-Кавалло, тотчас же дал Беатриче отпущение грехов *in articulo mortis*²². Так прошло около пяти минут, и все это время приготовленная ждала, положив голову на плаху; наконец палач решил, что отпущение уже дано, спустил пружину, и лезвие упало.

И тут случилось нечто странное: голова скатилась, а тело отшатнулось назад, как бы пытаясь; палач тут же подхватил голову и показал ее народу, затем, проделав с нею то же, что и с головой Лукреции Петрони, хотел положить тело в гроб, но братья из конгрегации Милосердия взяли его из рук палача, и один из них собрался перенести его к гробу, однако тело выскользнуло и свалилось с эшафота на землю; при этом с него сорвались одежды, все оно было в крови и в пыли, так что пришлось потратить немало времени на обмывание; от этого зрелища бедный Бернардино в третий раз лишился чувств, и на сей раз беспамятство его было таким глубоким, что понадобилось дать ему вина, чтобы он пришел в себя.

Наконец настал черед Джакомо; он видел казнь мачехи и сестры, его одежда была забрызгана их кровью; палач подошел к нему, сорвал с него плащ, и все увидели, что грудь у него в ранах от раскаленных клещей, их было столько, что на теле не осталось живого места. Итак, он поднялся и, обратясь к брату, сказал:

— Бернардо, на пытке я показал против тебя и обвинил, но то была ложь, и хоть я уже опроверг эти показания, сейчас, готовясь предстать перед Господом, еще раз повторяю: ты невиновен, а суд, приговоривший тебя смотреть на нашу казнь, жесток и немилосерд.

Тут палач бросил его на колени, привязал за ноги к брусу, чуть приподнятому над эшафотом, наложил на глаза повязку и размозжил голову палицей; затем почти тотчас же на глазах у всех четвертовал труп.

Как только закончилась эта бойня, члены конгрегации удалились, уводя с собой Бернардо, но поскольку у него началась сильная горячка, ему пустили кровь и уложили в постель.

Останки обеих женщин в гробах поставили под статуей святого Павла у подножья моста и зажгли четыре свечи белого воска, которые горели до четырех часов пополудни, потом вместе с расчлененным телом Джакомо они были перенесены в храм Святого Иоанна Обезглавленного. В пять часов вечера тело Беатриче, все усыпанное цветами и облаченное в ту одежду, что была на ней во время казни, понесли в церковь Сан-Пьетро-ин-Монторио; гроб сопровождали члены братства Ран Христовых и все монахи-францисканцы города Рима, несшие пятьдесят горящих свечей. Там Беатриче была погребена, как она того и пожелала, около главного алтаря.

В тот же вечер тело синьоры Лукреции было перенесено в церковь Сан-Джорджо-ин-Велабре.

К сему можно добавить, что весь Рим соучаствовал в этой трагедии, и люди съехались кто в каретах, кто верхом, кто в повозках, а кто пришел пешком, и все они сбились в огромную толпу; по несчастью, день был до того душный и жаркий, что многие теряли сознание, многие заболели лихорадкой, множество также умерло ночью, после того как пробыли на солнце все три часа, что длилась казнь.

²² При смерти, на смертном одре (лат.).

Во вторник четырнадцатого сентября по случаю праздника Воздвижения Креста Господня с особого разрешения папы братством Сан-Марчелло был освобожден из тюрьмы бедняга Бернардо Ченчи с обязательством в течение года выплатить две с половиной тысячи римских экю конгрегации Пресвятой Троицы, что у моста Сикста, запись о получении которых и сейчас находится в ее архиве.

А теперь, если вы, после того как повидали могилу, захотите составить о той, что покоится в ней, представление более полное, чем способно дать наше повествование, посетите галерею Барберини; там вместе с пятью другими шедеврами вы найдете портрет Беатриче, написанный Гвидо, как говорят одни, в ночь перед казнью, меж тем как другие утверждают, что он был сделан, когда она шла к месту казни; на портрете изображена прелестная головка в тюрбане, с которого ниспадает драпировка; у Беатриче густые светло-русые волосы, черные глаза, словно хранящие следы только-только высохших слез, великолепный нос и детский рот; что же касается ее ослепительно-белой кожи, то портрет не дает о ней представления: в краски переложено кармина, и лицо имеет кирпичный оттенок; если судить по изображению, Беатриче можно дать от двадцати до двадцати двух лет.

Рядом висит портрет Лукреции Петрони; по размерам головы видно, что была она скорее невысокой, чем крупной. Она являла собой тип благородной римской матроны – смуглое лицо с правильными чертами, прямым носом, черными бровями и взглядом властным, но в то же время влажным и полным неги; на ее пухлых, округлых щеках очаровательные ямочки, о которых упоминает хронист и благодаря которым возникает ощущение, будто она улыбается и после смерти; следует еще упомянуть чудесной формы рот и курчавые волосы, ниспадающие на лоб и вдоль висков, создавая великолепное обрамление лица.

Поскольку не осталось ни графических, ни живописных изображений Джакомо и Бернардо, мы вынуждены заимствовать их портреты из рукописи, откуда мы почерпнули все подробности этой кровавой истории; вот какими увидел их автор, очевидец катастрофы, в которой они сыграли главные роли:

«Джакомо был небольшого роста, волосы и борода черные, ему могло быть лет около двадцати шести, он был хорошо сложен и обладал приятной наружностью.

Что касается Бернардино, несчастный отрок был вылитый портрет своей сестры, сходство их было таково, что, когда он взошел на эшафот, многие по причине его длинных волос и девического лица сперва решили, что это и есть Беатриче; ему могло быть лет четырнадцать-пятнадцать.

Упокой, Господи, их души!»

Карл Людвиг Занд (1819)

22 марта 1819 года около девяти утра молодой человек лет примерно двадцати трех – двадцати четырех, одетый, как одеваются немецкие студенты, то есть в короткий сюртук с шелковыми бранденбурами, панталоны в обтяжку и невысокие сапоги, остановился на небольшом холме, который находится в трех четвертях пути из Кайзерталя в Мангейм и с вершины которого открывается вид на этот город, спокойно и безмятежно лежащий среди садов, бывших некогда крепостными валами, а ныне опоясывающих его подобно зеленому, цветущему кольцу. Поднявшись туда, молодой человек снял картуз, на козырьке которого переплетались три вышитых серебром дубовых листа, и подставил обнаженную голову порывам свежего ветерка, долетающего из долины реки Неккар. На первый взгляд его неправильные черты производили странное впечатление, однако стоило присмотреться к его бледному, изрытому оспинами лицу в обрамлении длинных черных кудрей, открывающих большой выпуклый лоб, увидеть поразительную мягкость его глаз, как наблюдатель вскоре начинал испытывать к нему необъяснимую грустную симпатию, какой поддаешься неосознанно, даже не думая ей противиться. Хотя час был еще ранний, молодой человек, похоже, проделал уже долгий путь, так как сапоги его покрывала дорожная пыль, но, видимо, он был уже близок к цели, потому что, отбросив картуз и сунув за пояс длинную трубку, неразлучную подругу немецких буршей, он вытащил из кармана маленькую записную книжку и карандашом вписал в нее:

«Вышел из Ванхайма в пять утра и в девять с четвертью нахожусь в виду Мангейма. Да поможет мне Бог!»

Затем он сунул книжку в карман и несколько секунд стоял неподвижно, шевеля губами, словно мысленно творя молитву, после чего надел картуз и твердым шагом направился к Мангейму.

Этот молодой студент был Карл Людвиг Занд, который пришел из Йены через Франкфурт и Дармштадт, чтобы убить Коцебу.

Но теперь, прежде чем представить нашим читателям одно из тех чудовищных деяний, для оценки которого не существует иного судьи, кроме совести, необходимо, чтобы они позволили нам как можно полнее познакомить их с тем, кого монархи считают убийцей, судьи – фанатиком, а молодежь Германии – мучеником.

Карл Людвиг Занд родился 5 октября 1795 года в Вонзиделе, расположенном среди гор Фихтельгебирге; он был младшим сыном Готфрида Кристофа Занда, первого председателя и советника прусского королевского суда, и его супруги Доротеи Иоганны Вильгельмины Шапф. Кроме двух старших братьев – Георга, занимавшегося коммерцией в Санкт-Галлене, и Фрица, адвоката в апелляционном суде в Берлине, – у Карла были еще две сестры – старшая, которую звали Каролина, и младшая по имени Юлия.

Еще в колыбели он перенес оспу, причем в самой тяжелой форме. Вирус, распространившийся по всему телу, покрыл его язвами, голова являла собой сплошной струп. Несколько месяцев ребенок находился между жизнью и смертью, но наконец жизнь восторжествовала.

Тем не менее он оставался слабым и болезненным до седьмого года, когда у него случилась мозговая горячка и жизнь его вновь оказалась в опасности. Зато горячка эта, закончившись, унесла с собой все последствия первой болезни.

С этого времени его здоровье и силы, похоже, начали укрепляться, однако из-за двух длительных болезней он весьма задержался в учении и смог пойти в школу только в восемь лет; к тому же, поскольку из-за физических страданий мальчик несколько отстал в развитии

умственных способностей, ему поначалу пришлось прикладывать вдвое больше усердия, нежели сверстникам, чтобы достичь одинаковых с ними результатов.

Видя, какие усилия прилагает маленький Занд, чтобы преодолеть изъяны своего организма, директор Хофской гимназии Зельфранк, человек большой учености и благородства, проникся к мальчику такой приязнью, что, когда его впоследствии назначили директором гимназии в Регенсбург, не смог расстаться со своим учеником и взял его с собой. Именно в этом городе Карл Занд в одиннадцатилетнем возрасте явил первое доказательство присущих ему мужества и человечности. Однажды, будучи на прогулке с друзьями, он услышал призыв о помощи: мальчик лет восьми-девяти упал в пруд. Тотчас же Занд, не думая о своем праздничном костюмчике, за которым всегда весьма старательно следил, бросился к пруду и, приложив неслыханные для ребенка его возраста усилия, сумел вытащить утопающего на берег.

Лет в тринадцать Занд, который стал проворней, ловчей и отважней многих своих товарищей постарше, любил участвовать в сражениях между мальчишками из города и окрестных деревень. Театром этих ребяческих войн, бледным и невинным отражением жестоких битв, заливавших в ту эпоху Германию кровью, обыкновенно служила равнина, расположенная между городом Вонзиделем и горой Санкт-Катарина, вершину которой увенчивали руины и среди них прекрасно сохранившаяся башня. Занд, ставший одним из самых пылких воителей, видя, что войско его много раз бывало побеждено из-за малочисленности, решил во избежание очередного поражения укрепить башню на горе Санкт-Катарина и укрыться в ней при ближайшем сражении, ежели судьба опять отвернется от них. Он посвятил товарищей в свой план, и тот был с восторгом принят. В течение целой недели в башню стаскивали всевозможные средства для обороны, укрепляли двери и лестницы. Приготовления эти велись в столь глубокой тайне, что вражеской армии не удалось пронюхать о них.

Наступило воскресенье, а именно в праздничные дни происходили сражения. Но то ли из-за стыда за прошлое поражение, то ли по какой другой причине войско, к которому принадлежал Занд, оказалось еще малочисленней, чем обыкновенно. Тем не менее, зная, что есть куда отступить, Занд решился принять битву. Она была не очень продолжительной: одна из армий слишком уступала в численности другой и не могла долго сопротивляться, поэтому она, стараясь сохранять порядок, начала отступление к башне Санкт-Катарины, куда и прибыла без особых потерь. Добравшись туда, часть мальчишек тотчас же поднялась на балконы и, пока остальные внизу защищали стены, принялась осыпать преследователей галькой и камнями. Те же, пораженные новым, впервые использованным способом защиты, отступили на несколько шагов; воспользовавшись этим, остаток отряда вошел в крепость и закрыл двери.

Изумление осаждающих трудно передать: никто никогда не пользовался этими дверями, и вдруг они становятся непреодолимым препятствием, укрывающим осажденных. Несколько человек побежали искать инструменты, которыми можно было бы разбить двери, а оставшаяся часть вражеской армии взяла гарнизон в осаду.

Через полчаса посланцы вернулись не только с кирками и ломami, но и со значительным подкреплением, состоявшим из ребят той деревни, куда они бежали за осадным инструментом. Начался приступ. Занд и его товарищи отчаянно защищались, но скоро стало ясно, что, ежели не придет подмога, гарнизону придется капитулировать. Было предложено бросить жребий, чтобы один из осажденных, пренебрегая опасностью, вышел из крепости, прорвался сквозь вражеские порядки и бросил клич вонзидельским мальчишкам, которые трусливо сидят по домам. Рассказ об опасности, какой подверглись их друзья, позор капитуляции, что падет и на них, вне всяких сомнений, пробудят их от лени и заставят совершить вылазку, которая позволит гарнизону выйти из крепости. Предложение было принято, однако, не желая полагаться на случай, Занд вызвался добровольцем. Поскольку всем была

известна его храбрость, ловкость и быстрота, предложение было принято единодушно, и новый Деций²³ приготовился принести себя в жертву.

Дело это, надо сказать, было небезопасное. Существовали лишь два способа выйти из башни: первый – через дверь, и там, разумеется, попасть в руки неприятелей; второй – спрыгнуть с балкона, слишком высокого, чтобы осаждающим пришлось в голову караулить под ним. Не раздумывая ни секунды, Карл прошел на балкон; там он, поскольку с малых лет был весьма религиозен, сотворил короткую молитву и затем без страха и колебаний прямо-таки с провиденциальной уверенностью спрыгнул на землю, а высота там была двадцать два фута.

Занд тотчас же устремился к Вонзиделю и достиг его, хотя враги послали вдогонку за ним лучших своих бегунов. К осажденным же, когда они увидели, что его предприятие увенчалось успехом, возвратилось мужество, и они объединили свои усилия против осаждающих в надежде на красноречие Занда, которому оно давало огромную власть над товарищами. И действительно, не прошло и получаса, как они увидели его возвращающимся во главе трех десятков мальчишек, вооруженных пращами и арбалетами. Осаждающие, оказавшись под угрозой нападения как с тыла, так и с фронта, поняли всю невыгодность своего положения и ретировались. Победа досталась армии Занда, и в этот день он был триумфатором.

Мы так подробно рассказали эту историю, чтобы наши читатели поняли по характеру ребенка, каким тот стал, когда превратился в мужчину. Впрочем, у нас еще будет возможность увидеть, как развивался этот спокойный и возвышенный характер среди как малых, так и великих событий.

В то же примерно время Занд, можно сказать, чудом дважды избежал смертельной опасности. Как-то творило, полное извести, упало со строительных лесов и разбилось у его ног. А еще однажды герцог Кобургский, который во время пребывания короля Пруссии на тамошних водах жил у родителей Занда, въезжая на полном скаку в карете, запряженной четверней, во двор, увидел, что под аркой ворот стоит Карл; у мальчика не было возможности отскочить ни вправо, ни влево, не рискуя оказаться прижатым к стене и раздавленным колесами: кучер был не в состоянии удержать упряжку, но тут Занд упал ничком на землю, карета промчалась над ним, причем ни копыта коней, ни колеса даже не задели его; он встал без единой царапины.

С той поры многие смотрели на Занда как на избранника Божия, говорили, что его хранит Бог.

А тем временем происходили серьезнейшие политические события, под влиянием которых мальчик прежде времени превратился в юношу. Наполеон навис над Германией, подобно новому Сеннахерибу²⁴. Штапс²⁵ пожелал сыграть роль Муция Сцеволы²⁶ и умер мученической смертью.

Занд жил тогда в Хофе и учился в гимназии добрейшего Зальфранка. Узнав, что тот, кого он считал антихристом, должен приехать в этот город, он тотчас же покинул его и вернулся к родителям. Когда те спросили его, почему он бросил гимназию, Карл ответил:

²³ *Публий Деций Мус* – римский консул, в 340 г. до н. э. одержавший победу над латинами. В соответствии с легендой он за победу пожертвовал свою жизнь подземным божествам.

²⁴ *Сеннахериб* (785–681 до н. э.) – ассирийский царь, упоминаемый в Библии (Царств, 2 и 4), совершал походы в Иудею, осаждал Иерусалим, но вынужден был отступить.

²⁵ *Штапс, Фридрих* (1792–1809) – немецкий торговец, покушался в Вене на убийство Наполеона, от помилования отказался, предупредив, что в этом случае повторит свою попытку. Расстрелян.

²⁶ *Муций Сцевола* – легендарный римский герой. Схваченный после неудачного покушения на этрусского царя Порсены, он, доказывая свое мужество, положил левую руку в огонь, после чего пораженный Порсена отпустил его и снял осаду Рима.

– Потому что я не смог бы жить в одном городе с Наполеоном и не попытаться убить его, но я чувствую, что рука у меня еще недостаточно тверда для этого.

Происходило это в 1809 году, Занду было четырнадцать лет.

Мир, подписанный 15 октября, дал Германии небольшую передышку и позволил юному фанатику продолжить учение, не отвлекаясь на политические тревоги; они снова захватят его в 1811 году, когда он узнает, что гимназия ликвидирована и заменена начальной школой. Директор Зальфранк назначен в эту школу учителем, но вместо тысячи флоринов, которые он получал на старом месте, в новой должности ему положили всего лишь пятьсот. Карл не мог оставаться в начальной школе, где у него просто не было возможности продолжать образование, и он написал матери письмо, сообщив об этом событии и о том, с каким душевным спокойствием старый немецкий философ принял перемену своей судьбы. Вот ответ матушки Занда; его вполне достаточно, чтобы узнать эту женщину, чье большое сердце всегда было искренним даже среди самых жестоких страданий; письмо это отмечено печатью немецкого мистицизма, о котором мы во Франции не имеем ни малейшего представления.

«Мой дорогой Карл!

Ты не мог сообщить мне более горестную весть, нежели эта, о событии, которое обрушилось на твоего учителя и приемного отца, и все же, как бы ужасно оно ни было, он примирится с ним, дабы дать добродетели своих воспитанников великий пример покорности, какую всякий подданный должен выказывать королю, которого над ним поставил Бог. Впрочем, можешь быть уверен, что в целом свете нет более верного и разумного поведения, нежели то, что исходит из древней заповеди: «Чти Бога, будь праведен и никого не бойся».

И помни также: если творится вопиющая несправедливость по отношению к честным людям, раздастся голос общества и возносит тех, кто унижен.

Но ежели вопреки всякой вероятности этого не произойдет, ежели Господь ниспошлет добродетели нашего друга это наивысшее испытание, ежели Провидение окажется до такой степени у него в долгу, верь мне, оно и в этом случае с лихвой возместит свой долг: события и происшествия, что происходят вокруг нас и с нами, всего лишь механизм, который приводит в движение верховная десница, дабы пополнить наше воспитание для вступления в лучший мир, и только там мы обретем наше истинное место. Постарайся же, дорогое мое дитя, неизменно и непрерывно следить за собой, дабы не принимать отдельные красивые и возвышенные жесты за подлинную добродетель, и всякий миг будь готов исполнить то, чего требует от тебя долг. Поверь мне, в сущности, когда рассматриваешь явления изолированно, нет ни великого, ни малого, и лишь их совокупность дает нам единство добра либо зла.

Впрочем, Господь ниспосылает испытания только сердцам, которым он даровал силу, и твое описание того, как твой учитель воспринял постигшую его беду, является еще одним подтверждением этой великой и вечной истины. Дорогой мой мальчик, бери с него пример, и если тебе нужно покинуть Хоф и переехать в Бамберг, спокойно и мужественно смирись с этой необходимостью; человек получает три разных рода воспитания: то, которое ему дают родители, второе – налагаемое обстоятельствами и, наконец, то, где он сам является собственным воспитателем; раз уж случилось такое несчастье, моли Бога, дабы он помог тебе достойно довершить воспитание третьего рода, самое важное из всех.

В качестве примера я приведу тебе жизнь и поведение моего отца, о котором ты почти ничего не слышал, так как он скончался еще до твоего рождения, но чей дух и облик возродился, если взять всех твоих братьев и сестер, в тебе одном. Злосчастный пожар, обративший его родной город в пепел, уничтожил как родительское, так и его собственное состояние; его отец, видя, что все утратил, поскольку огонь, как было установлено, начался в соседнем доме, скончался от горя, а мать, уже в течение шести лет прикованная к одру болезни по причине чудовищных конвульсий, в перерывах между приступами недуга содержала трудом

своих рук трех малолетних дочерей, и тогда твой дед нанялся простым приказчиком в один из самых крупных торговых домов Аугсбурга, где его живой и в то же время ровный характер всем пришелся по сердцу; он поступил на должность, для которой не был рожден, и возвратился в родной дом с чистым и незапятнанным сердцем, чтобы стать опорой матери и сестрам.

Человек многое может, когда жаждет многое совершить; присоедини же свои усилия к моим молитвам, а остальное доверь Богу».

Предсказание пуританки сбылось: некоторое время спустя директор Зальфранк был назначен учителем в Райхенбург, куда за ним последовал Занд; именно там его настигли события 1813 года. В конце марта он пишет матери:

«Я даже не смогу Вам описать, дражайшая матушка, до какой степени я исполнен спокойствия и счастья с той поры, как мне дозволено уверовать в освобождение отчизны, каковое, как я слышу со всех сторон, должно скоро произойти, отчизны, которую, в своем уповании на Господа, я уже заранее вижу вольной и могучей и ради счастья которой я готов на любые муки и даже на смерть. Наберитесь сил, чтобы вынести это потрясение. Если по случайности оно затронет и нашу провинцию, возведите глаза к всемогущему Богу, а затем опустите их и посмотрите на прекрасную и изобильную природу. Всемилостивый Бог, спасавший и сохранивший столько людей во время гибельной Тридцатилетней войны, сумеет и пожелает и сегодня сделать то, что сумел и пожелал сделать тогда. Ну а я верю и надеюсь».

Лейпцигская битва подтвердила предчувствия Занда; следом пришел 1814 год, и он окончательно поверил, что Германия свободна.

10 декабря 1814 года он покинул Райхенбург со следующим свидетельством своих учителей:

«Карл Занд принадлежит к тем немногочисленным избранным юношам, которые выделяются одновременно и умственными способностями, и душевными качествами; в прилежании и усердии он превосходит всех своих соучеников, чем объясняются его быстрые успехи во всех философских и филологических науках; единственно ему необходимо еще пополнить знания в математике. Самые сердечные пожелания учителей сопутствуют ему при выпуске.

Райхенбург, 15 сентября 1814 года.

Й. А. Каин, директор и наставник первого ²⁷класса».

Но подготовили эту плодородную почву, в которую учителя посеяли семена знаний, конечно, родители, главным же образом мать, и Занд это прекрасно понимал, так как написал ей при отъезде в Тюбинген в университет, где собирался изучать теологию, необходимую для получения должности пастора, поскольку выбрал для себя это поприще:

«Признаюсь, что обязан Вам так же, как мои братья и сестры, той наилучшей и большей частью моего воспитания, которой, как я заметил, недостает многим из окружающих меня людей. Только небо одно способно вознаградить Вас за это сознанием, что Вы столь благородным и высоким образом и в этом исполнили свой родительский долг».

²⁷ На Западе отсчет классов идет в порядке, обратном нашему.

Навестив брата в Санкт-Галлене, Занд приехал в Тюбинген, куда его влекла, главным образом, слава Эшенмайера²⁸; эту зиму он прожил спокойно и без особых событий, если не считать приема в корпорацию буршей, именуемую «Тевтония», но вот подошла Пасха 1815 года и с нею вместе страшная весть, что Наполеон высадился в бухте Жюан. Тотчас же вся немецкая молодежь, способная носить оружие, объединилась под знаменами 1813 и 1814 года; Занд последовал общему примеру, но только если у других подобный поступок был следствием порыва, то у него – результатом спокойного и обдуманного решения.

Вот что он писал в Вонзидель по этому поводу:

«Дорогие мои родители, до сих пор я слушался Ваших отеческих наставлений и советов моих превосходных профессоров, до сих пор я старался быть достойным воспитания, которое Господь ниспослал мне через Вас, и усердно учился, дабы обрести возможность распространять на своей родине слово Божие; вот почему сегодня я откровенно уведомляю Вас о принятом мною решении, уверенный, что, как нежные и любящие родители, Вы примете его спокойно, а как немецкие родители и патриоты, даже одобрите это мое решение и не станете пытаться отговорить меня от него.

Отчизна вновь зовет на помощь, и на сей раз этот призыв обращен и ко мне, ибо теперь у меня достаточно и отваги, и сил. Поверьте, мне пришлось выдержать большую внутреннюю борьбу, чтобы в 1813 году, когда раздался первый ее клич, не отозваться на него, и удержала меня только уверенность, что тысячи других юношей сражаются и побеждают ради счастья Германии, а мне еще нужно расти, дабы вступить на мирное поприще, к которому я предназначен. Теперь же нужно сохранить обретенную свободу, которая во многих местах уже принесла столь обильные плоды. Всемогущий и милосердный Господь послал нам это великое и, убежден, последнее испытание, и мы должны подняться, если мы достойны величайшего его дара и способны силой и твердостью сохранить его.

Никогда отчизне не грозила столь огромная опасность, как сейчас, и потому среди германской молодежи сильные должны поддерживать колеблющихся, дабы подняться всем вместе. Наши отважные братья на Севере уже собираются со всех сторон под свои знамена; Вюртембергский ландтаг объявил всеобщее ополчение, и отовсюду стекаются добровольцы, жаждущие лишь одного – умереть за родину. Мой долг таков же – сражаться за свою страну и за всех, кого я люблю. Не будь я глубочайше убежден в этой истине, я не стал бы сообщать Вам о своем решении, но ведь у моих родных истинно германские сердца, и они сочли бы меня трусом, недостойным сыном, если бы я не последовал этому порыву. Разумеется, я представляю огромность жертвы, которую приношу; поверьте, мне стоит большого труда бросить занятия и пойти под командование неотесанных и необразованных людей, но эта жертва только укрепляет мое мужество и решимость обеспечить свободу своих братьев; как только эта свобода упрочится, если будет на то соизволение Бога, я вернусь, дабы нести им его слово.

Итак, я на некоторое время расстаюсь с Вами, мои почтенные родители, мои братья и сестры, все, кто мне так дорог. По зрелом

²⁸ Эшенмайер, Адам Карл Август (1768–1852) – профессор медицины в Тюбингенском университете.

размышлении я решил, что всего лучше мне было бы служить с баварцами, и потому добился, чтобы на все время, пока будет длиться война, меня взяли в роту баварских стрелков. Прощайте же, будьте счастливы; как бы далеко Вы ни были от меня, я буду следовать Вашим благочестивым наставлениям. На этом новом пути я надеюсь остаться чист перед Богом и идти той тропой, что возвышается над делами земными и ведет к небесам; быть может, и на этом поприще во мне сохранится высокое стремление спасти души от гибели.

Со мной везде и всегда будет Ваш бесценный образ; везде и всегда я хочу иметь Бога перед очами и в сердце, дабы с радостью вынести страдания и невзгоды этой священной войны. Поминайте меня в своих молитвах; пусть Господь ниспошлет Вам надежду на лучшее будущее, дабы помочь пережить нынешние скверные времена. Мы вскоре свидимся, если победа будет за нами, а если же потерпим поражение (да сохранит нас от этого Господь!), то моя последняя воля – и я умоляю, заклинаю Вас, мои дорогие и достойные немецкие родители, исполнить эту мою последнюю, предсмертную волю, – чтобы Вы оставили эту порабощенную страну ради любой другой, не попавшей пока еще под иго.

Но зачем печалить друг друга сердца? Разве наше дело не правое и не святое и разве Бог не праведен и не свят? Так неужели же мы не победим? Как видите, иногда у меня тоже случаются сомнения, поэтому в своих письмах, которых я с нетерпением жду, имейте жалость ко мне и не селите в мою душу страхов, ведь в любом случае мы навсегда обретем друг друга в иной отчизне, и она будет свободной и счастливой.

Остаюсь до смерти Вашим почтительным и признательным сыном Карл Занд».

В постскриптуме были два стиха Кернера²⁹:

Быть может, мы узрим над трупам врагов
Взошедшую звезду свободы.

Попрощавшись таким образом с родителями, Занд со стихами Кернера на устах оставил свои книги, и 10 мая мы уже видим его с оружием в руках среди стрелков-добровольцев, собранных под командованием майора Фалькенхаузена, который в ту пору оказался в Мангейме; там Занд встретил своего второго брата, опередившего его, и они вместе обучаются солдатскому ремеслу.

Хотя Занд не был привычен к большим физическим тяготам, он прекрасно перенес все трудности похода, отказываясь от любых поблажек, которые пробовали предоставить ему командиры; он не хотел, чтобы кто-то превзошел его в трудах, предпринятых им ради блага родной страны. На всем пути он братски делился тем, что у него было, с товарищами, помогал более слабым, беря у них ранцы, и, будучи к тому же проповедником, поддерживал их словом, когда ничего другого сделать не мог.

18 июня в восемь утра он был на поле Ватерлоо. 14 июля вошел в Париж.

18 декабря 1815 года Карл Занд и его брат возвратились в Вонзидель, к великой радости всей семьи. Он провел в родительском доме рождественские и новогодние праздники, но

²⁹ Кернер, Теодор (1791–1813) – немецкий поэт, участвовавший как партизан в освободительной войне против Наполеона, погиб в сражении.

пламенная тяга к своему призванию не позволила ему долго там оставаться, и 7 января он прибывает в Эрланген.

Именно тогда, желая наверстать потерянное время, он решает подчинить свою жизнь жестокому единообразному распорядку и записывать каждый вечер все, что делал с утра. Благодаря этому дневнику мы сможем проследить не только все поступки юного энтузиаста, но и все его мысли и духовные искания. В нем Занд простодушен до наивности, экзальтирован до помешательства, добр к другим до слабости, суров к себе до аскетизма. Его безмерно удручают расходы, которые родители вынуждены нести ради его образования, и всякие бесполезные и дорогостоящие удовольствия оставляют в его сердце глубокие угрызения.

Так, 9 февраля 1816 года он записывает:

«Я рассчитывал сегодня навестить родителей. Поэтому зашел в торговый дом и там весьма приятно провел время. Н. и Т. завели, как всегда, свои бесконечные шуточки насчет Вонзиделя, так продолжалось до одиннадцати. Но затем Н. и Т. стали меня терзать, зазывая в кафе³⁰, я отказывался до последней возможности. Так как всем своим видом они давали понять, будто считают, что я из пренебрежения к ним не желаю пойти выпить по стаканчику рейнского, я более не посмел отказываться. К несчастью, они не ограничились брауэнбергером, и хотя мой стакан еще не опорожнился и до половины, Н. велел принести бутылку шампанского. Когда она опустела, Т. заказал вторую, а когда и вторая была выпита, оба они потребовали третью за мой счет, хоть я и был против. Домой я вернулся совершенно одурманенный, рухнул на софу и с час проспал на ней, прежде чем лег в постель.

Так прошел этот постыдный день, в который я так мало думал о моих добрых, почтенных родителях, живущих бедной и трудной жизнью, день, когда я по примеру тех, у кого есть деньги, позволил вовлечь себя в бессмысленную трату четырех флоринов, а ведь на них вся наша семья могла бы жить целых два дня. Прости меня, Господи, умоляю, прости меня и прими мою клятву, что никогда больше я не впаду в подобный грех. Отныне я намерен жить еще воздержанней, чем привык, дабы восполнить в своем скудном кошельке досадные следы роскошества и не оказаться вынужденным просить у матушки денег прежде того дня, когда она сама решит прислать мне их».

Примерно в то же время, когда бедный юноша корит себя, словно за страшное преступление, за трату четырех флоринов, умирает одна из его кузин, перед тем успевшая овдоветь, оставив сиротами троих детей. Занд тотчас же спешит утешить бедных малюток, умоляет мать взять на попечение самого младшего и, обрadowанный ответом, так благодарит ее:

«За ту огромную радость, какую Вы доставили мне своим письмом, за любящий голос Вашего сердца, который в нем я услышал, будьте благословенны, матушка! Как я должен был надеяться и в чем имел даже твердую уверенность, Вы взяли маленького Юлиуса, и это вновь преисполняет меня глубочайшей признательностью к Вам и тем сильнее, что в своей всегдашней уверенности в Вашей доброте я дал нашей добрейшей кузине, еще когда она была жива, обещание, что Вы после ее смерти рассчитаетесь с нею за меня».

³⁰ Во французском языке нет слова, чтобы правильно передать немецкое Weinhaus. Это заведение – нечто среднее между трактиром и кабачком, где студенты собираются по вечерам, чтобы курить и пить пиво и рейнские вина. (Примеч. автора.)

В начале марта Занд не то чтобы заболел, но почувствовал недомогание, которое заставило его поехать принимать воды; его мать в это время находилась на железодельном заводе в Редвице, расположенном в трех-четыре лье от Вонзиделя, где как раз и находились воды. Занд поселился на заводе у матери, и хотя намеревался не прерывать трудов, ему приходилось тратить время на ванны, а кроме того, всевозможные приглашения, не говоря уже о прогулках, необходимых для поправки здоровья, нарушали размеренность жизни, к которой он привык, и порождали в нем угрызения совести. Вот что находим мы в его дневнике под датой 13 апреля:

«Жизнь без возвышенной цели, которой подчинены все мысли и поступки, пуста и ничтожна, доказательство тому сегодняшний мой день: я провел его с родными, и для меня это, без сомнения, огромное удовольствие. Но как я его провел? Я беспрерывно ел, так что, когда вознамерился поработать, был уже ни к чему не способен. Исполненный вялости и безразличия, вечером я ходил по гостям и вернулся в том же расположении духа, в каком уходил».

Для верховых прогулок Занд брал рыжую лошадку, принадлежащую брату, и вот такое времяпровождение ему очень нравилось. Лошадка была куплена с огромным трудом, поскольку, как мы уже упоминали, семейство Зандов было небогато. Следующая запись, касающаяся этого животного, дает представление о простодушии Занда.

«19 апреля.

Сегодня я был счастлив на заводе и весьма трудолюбив рядом с матушкой. Вечером вернулся на лошадке домой. С позавчерашнего дня, когда она сделала неловкий прыжок и поранила себе ногу, она стала весьма строптивой и раздражительной, а по приезде отказалась есть. Сперва я подумал, что ей не нравится еда, и дал ей несколько кусочков сахара и несколько палочек корицы, которые она страшно любит; она попробовала их, но есть не стала. Кажется, бедное животное, кроме раны на ноге, страдает от какого-то внутреннего заболевания. Ежели, к несчастью, она охромеет или заболеет, все, включая и родственников, сочтут, что это моя вина, хотя я старательно и заботливо ухаживал за ней. Господи, великий Боже, ты, который можешь все, отведи от меня эту беду и сделай так, чтобы она как можно скорей выздоровела. Но если ты решил иначе, если на меня должно обрушиться это новое несчастье, я постараюсь мужественно перенести его, приняв как искупление за какой-то грех. Впрочем, Господи, я и тут вручаю себя тебе, как вручаю свою душу и жизнь».

20 апреля он записывает:

«Лошадка чувствует себя хорошо, Бог помог мне».

Немецкие нравы так отличны от наших, и противоположности в одном и том же человеке по ту сторону Рейна сходятся настолько часто, что нам просто необходимы цитаты, которые мы тут приводим, чтобы дать нашим читателям верное представление об этом характере, смеси наивности и рассудительности, детскости и силы, унылости и энтузиазма, материальных мелочей и поэтических мыслей, который делает Занда непостижимым для нас. Но продолжим его портрет, поскольку на нем еще не хватает последних мазков.

По возвращении в Эрланген после полного выздоровления Занд впервые прочел «Фауста»; поначалу это произведение поразило его, и он счел было его проявлением извращения гения, однако, дочитав до конца и вернувшись к первому впечатлению, он записывает:

«4 мая.

О, жестокая борьба человека и дьявола! Только сейчас я ощущаю, что Мефистофель живет и во мне, и ощущаю это с ужасом, Господи!

К одиннадцати вечера я закончил чтение этой трагедии и увидел, почувствовал дьявола в себе, так что когда пробило полночь, я, плача, исполнясь отчаяния, сам себя испугался».

Постепенно Занд впадает в сильную меланхолию, вырвать из которой его может лишь желание усовершенствовать и сделать нравственной окружающих его студентов. Для всякого, кто знает университетскую жизнь, подобный труд покажется сверхчеловеческим. Однако Занд не падает духом и, если не может распространить свое влияние на всех, ему, по крайней мере, удастся сформировать вокруг себя большой кружок, состоящий из самых умных и самых лучших; однако среди этих апостольских трудов его охватывает непонятное желание умереть; кажется, что ему вспоминается небо и он испытывает потребность вернуться туда; он сам называет это стремление «ностальгией души».

Любимыми его авторами являются Лессинг, Шиллер, Гердер и Гете; в двадцатый раз перечитав двух последних, он записывает:

«Добро и зло соприкасаются: страдания юного Вертера и соращение Вайслингена – это почти та же самая история; но неважно, мы не должны судить, что в других есть добро и что зло, ибо это сделает Господь. Я только что долго обдумывал эту мысль и остаюсь в убеждении, что ни при каких обстоятельствах нельзя позволить себе искать дьявола в ближнем и что у нас нет права кого-либо осуждать; единственное существо, по отношению к которому мы получили власть судить и выносить приговор, – это мы сами; нам и с самими собой вполне хватает забот, трудов и огорчений.

И еще я сегодня ощутил глубокое желание вырваться из этого мира и вступить в мир высший, но желание это скорей от подавленности, чем от силы, скорей усталость, чем порыв».

1816 год для Занда проходит в благочестивых попечениях о своих товарищах, в постоянном исследовании самого себя и в непрекращающейся борьбе, которую он ведет с навязчивым желанием смерти; с каждым днем у него все больше сомнений в себе, и вот первого января 1817 года он записывает в дневнике такую молитву:

«Господи, наделивший меня, посылая на эту землю, свободой воли, даруй мне свою милость, дабы и в наступающем году я ни на миг не ослаблял это постоянное наблюдение за собой и постыдно не прекратил исследовать свою совесть, как я это и делал до сих пор. Дай мне сил, чтобы возрастало то внимание, с каким я обращаюсь к своей жизни, и уменьшалось то, какое я обращаю на жизнь других людей; укрепи мою волю, дабы она стала достаточно сильной, чтобы управлять плотскими желаниями и заблуждениями ума; дай мне благочестивую совесть, всецело преданную твоему царствию небесному, дабы я всегда принадлежал тебе, а ежели вдруг оступлюсь, чтобы вновь смог вернуться к тебе».

Занд имел все основания просить Бога, чтобы тот укрепил его в наступающем 1817 году, так как небо Германии, озаренное Лейпцигом и Ватерлоо, вновь затягивали тучи: на смену безмерному и всеобъемлющему деспотизму Наполеона пришел гнет мелких князьков, составляющих германский сейм. Низвергнув великана, народ достиг единственно того, что попал под власть карликов.

Тогда-то и начали создаваться по всей Германии тайные общества. В нескольких словах мы расскажем о них, потому что история, которую мы пишем, есть история не только отдельных людей, но и народов, и всякий раз, когда у нас будет появляться возможность, мы станем представлять на нашем крохотном полотне широкую панораму.

Тайные общества Германии, о которых мы столько слышали, ничего о них не зная, прежде чем разлиться, подобно полноводным рекам, имели, по всей видимости, своим истоком своеобразные ответвления клубов иллюминатов и франкмасонов, которые обратили на себя всеобщее внимание в конце XVIII века. В эпоху революции восемьдесят девятого года все эти философские, политические и религиозные секты с энтузиазмом восприняли республиканскую пропаганду, и успехи наших первых генералов нередко приписывались тайным усилиям этих ответвлений.

Когда Бонапарт, который знал о них и, как поговаривают, даже был членом одного из таких обществ, сменил генеральский мундир на императорскую мантию, все эти секты, считавшие его отступником и предателем, не только объединились против него внутри страны, но и стали искать его врагов за границами ее, а поскольку они обращались к возвышенным и благородным страстям, то повсеместно находили отклик, и монархи, у которых была возможность воспользоваться плодами их деятельности, недолгое время поддерживали их. Между прочим, принц Людвиг Прусский³¹ был великим магистром одной из лож.

Покушение Штапса, о котором мы уже мельком упоминали, было одним из первых ударов грома этой грозы, но через день был подписан мир в Вене, и унижение Австрии завершило распад дряхлой Германской империи. Претерпевшие смертельный удар в 1806 году и преследуемые французской полицией, эти общества уже не могли организовываться публично и вынуждены были вербовать новых членов тайно.

В 1811 году в Берлине арестовали множество агентов этих обществ, но прусские власти по секретному приказу королевы Луизы покровительствовали им и, когда хотели, легко водили за нос французскую полицию.

После февраля 1813 года поражения французской армии возродили мужество тайных обществ: стало очевидно, что их делу помогает Бог; студенчество по большей части с энтузиазмом присоединилось к их новым стараниям; во множестве университетов студенты дружно и чуть ли не в полном составе поступали на военную службу, выбирая командирами своих ректоров и профессоров; героем этого движения стал поэт Кернер, погибший 18 октября в Лейпцигской битве.

Триумфом этого национального движения было двукратное вступление в Париж прусской армии, большую часть которой составляли добровольцы, но когда стали известны договоры 1815 года и новая германская конституция, они произвели в Германии ужасающее впечатление; все эти молодые люди, воодушевленные своими монархами, поднялись во имя свободы, но вскоре поняли, что оказались всего лишь орудием европейского деспотизма, который воспользовался ими, чтобы укрепиться; они захотели потребовать исполнения данных обещаний, но политика гг. Талейрана и Меттерниха угнетала их и, подавив, после первых же высказанных ими слов, вынудила скрыть свое недовольство и надежды в университетах, которые, пользуясь особым уставом, легче могли избежать внимания ищущих Священного союза; таким образом, при любых притеснениях, как бы ни велики они были, тайные общества все-таки продолжали существовать, сообщаясь между собой с помощью путешествующих студентов, которые, получив устное поручение, под предлогом сбора гербариев обходили всю Германию, рассеивая повсюду пламенные и вселяющие надежду слова, каким всегда так жадно внимают народы, но которые так ужасают королей.

³¹ Людвиг Фердинанд (1772–1806) – племянник короля Фридриха II, прусский военачальник, участник войн против Франции.

Мы уже знаем, что Занд, охваченный общим порывом, волонтером проделал кампанию 1815 года, хотя ему было всего девятнадцать лет; по возвращении он, как и остальные, был обманут в своих лучезарных надеждах, и именно в этот период мы видим, как в его дневнике возникают мотивы мистицизма и печали, что, несомненно, уже отметили наши читатели. Вскоре он вступает в одно из обществ, именуемое «Тевтония», и, обретя в религии величайшую опору, пытается сделать заговорщиков достойными предпринятой ими цели; его морализаторские старания у некоторых имеют успех, но большинство отвергает их.

Тем не менее Занду удается образовать вокруг себя значительный круг пуритан числом от шестидесяти до восьмидесяти студентов, принадлежащих к секте «Буршеншафт», которая, невзирая на насмешки соперничающей секты «Ландс-маншафт», следует своим политическим и религиозным путем; во главе ее становятся он сам и его друг по имени Дитмар, и хотя власть их не основывается на выборности, их влияние при принятии решений свидетельствует, что в сложившихся обстоятельствах сотоварищи непроизвольно подчиняются импульсам, которые эти двое считают необходимым внушать своим адептам. Собрания буршей происходят на невысоком холме неподалеку от Эрлангена, на вершине которого стоит старый замок; Занд и Дитмар называли его Рютли в память о том месте, где Вальтер Фюрст, Мельхталь и Штауфахер дали клятву освободить свой родной край³²; здесь студенты собирались якобы отдохнуть и постепенно, камень по камню выстроили на месте развалин новый дом, переходя попеременно от действия к символу и от символа к действию.

Союз этот, надо отметить, так широко распространился по всей Германии, что вызвал беспокойство не только у королей и князей Германской конфедерации, но и у европейских монархов. Франция посылала агентов, дабы они доносили о деятельности союза, Россия не жалела денег на подкуп; нередко причиной гонений на какого-нибудь профессора, ввергавших в отчаяние весь университет, являлась нота Тюильрийского или Санкт-Петербургского кабинета.

В этой гуще событий Карл Занд, поручив себя заступничеству Бога, начал 1817 год в весьма, как мы видели, унылом настроении, которое держалось у него не столько отвращением к самой жизни, сколько к ее проявлениям. 8 мая, терзаясь меланхолией, которую он пытался преодолеть и источником которой являлись обманутые политические надежды, он записал в дневнике:

«Все так же неспособен взяться серьезно за работу, и это ленивое настроение и ипохондрическое расположение духа, набрасывающее черную вуаль на все явления жизни, продолжается и усиливается, невзирая на нравственный импульс, который я вчера дал себе».

Во время каникул, опасаясь материально стеснить родителей и увеличить их расходы, он не поехал к ним, а предпочел вместе с друзьями отправиться путешествовать пешком. Несомненно, путешествие это, кроме увеселительных, имело и определенную политическую цель. Но как бы то ни было, в продолжение всей экскурсии Занд отмечает в дневнике лишь названия городов, через которые проходил. Впрочем, чтобы дать представление, до какой степени Занд слушался родителей, следует сказать, что он отправился в это путешествие, только получив на то позволение от матери.

Вернувшись, Занд, Дитмар и их друзья бурши нашли свой Рютли разрушенным их противниками из «Ландсманшафта», а обломки его разбросанными. Занд воспринял это событие как пророческий знак и был страшно удручен.

³² Имеются в виду вожди движения швейцарских кантонов за освобождение от власти Габсбургов, завершившееся победоносным восстанием 1307 г.

«О Господи, – записывает он в дневнике, – мне кажется, что все вокруг меня плывет и кружится. Душа моя становится все мрачней и мрачней, нравственные силы не возрастают, а убывают; я тружусь, но ничего не могу достичь, иду к цели, но не могу к ней прийти, истощаю себя, но ничего великого не совершаю. Дни жизни утекают один за другим, заботы и тревоги растут, и я нигде не вижу той гавани, где может пристать корабль нашего святого германского дела. В конце концов мы все падём, и я сам уже колеблюсь. О Господи, Отец Небесный, охрани меня, спаси меня и проведи в ту страну, которую мы непрестанно отвергаем безразличием колеблющихся умов».

В ту же пору страшное событие потрясло Занда до глубины души: утонул его друг Дитмар.

Вот что Занд записал в дневнике утром того дня, когда это случилось:

«О Господи всемогущий, что же будет со мной? Вот уже четыре дня я пребываю в смятении, не могу заставить себя пристально взглянуть ни на прошлую свою жизнь, ни на будущую; дошло до того, что с 4 июня в дневнике нет ни одной записи. И все же, Господи, и в эти дни у меня были поводы славить тебя, но моя душа полна страха. Боже, не отвращайся от меня; чем больше преград, тем больше требуется сил».

А вечером к утренней записи он добавляет эти несколько слов:

«Скорбь, отчаяние и смерть друга, моего горячо любимого друга Дитмара».

В письме домой он рассказывает об этом трагическом событии:

«Вам известно, что, когда мои ближайшие друзья Ю. К. и Ц. уехали, я особенно сошелся с Дитмаром фон Ансбахом. Дитмар – истинный и достойный немец, евангелический христианин, наконец, человек! Ангельская душа, всегда устремленная к добру, светлая, благочестивая, готовая к действию. Он поселился в доме профессора Грюнлера в комнате напротив меня; мы сдружились, объединили наши усилия и, худо ли, хорошо ли, вместе переносили добрые и скверные повороты судьбы. В тот последний вечер весны, позанимавшись каждый у себя в комнате и вновь укрепившись в стремлении противостоять всем невзгодам жизни и достичь нашей цели, мы около семи часов пошли искупаться в Реднице. Темная грозовая туча появилась на небе, но в тот момент она была еще только на горизонте. Э., присоединившийся к нам, предложил вернуться, но Дитмар отказался, сказав, что до канала рукой подать. Слава Богу, что он дозволил не мне произнести этот гибельный ответ. Мы продолжили наш путь, закат был великолепен. Он и сейчас еще стоит у меня перед глазами: темно-лиловые тучи, окрашенные по краям золотом; я запомнил все подробности этого рокового вечера.

Дитмар первым вошел в воду: он единственный из нас умел плавать и потому шел впереди, чтобы мы видели глубину. Мы зашли по грудь, а ему вода уже была по шею, ведь он опережал нас, и тогда он сказал нам, чтобы дальше мы не шли, потому что дно уходит. После этого он поплыл, но едва успел сделать несколько взмахов руками, как оказался там, где река разделяется на два рукава, крикнул и, желая встать на дно, исчез. Мы тотчас бросились на берег, надеясь оттуда успешней оказать ему

помощь, но поблизости не нашлось ни шеста, ни веревки, а мы оба, как я уже упомянул, не умеем плавать. Тогда мы изо всех сил стали звать на помощь. В этот миг Дитмар вынырнул и в отчаянном усилии ухватился за ветку ивы, свисающую над водой, но она оказалась слишком хлипкой, чтобы удержать его, и наш друг вновь исчез, словно пораженный апоплексическим ударом. Вообразите себе, в каком состоянии были мы, его друзья, как мы склонялись над рекой, напряженным и безумным взглядом пытались проникнуть в глубину вод. О Боже, Боже, как мы только не сошли с ума!

Тем временем на наши крики сбегалось множество народа. В течение двух часов с лодок обшарили баграми дно и наконец вытащили его труп из глубины. Вчера мы торжественно перенесли его к месту вечного упокоения.

Итак, весна кончилась, и началось важное для моей жизни лето. Я приветствую его в настроении мрачном и меланхолическом, и вы видите меня не столько утешившимся, сколько укрепившимся в вере, и она дает мне уверенность, что благодаря жертве Христа я обрету моего друга на небе, с высоты которого он наполняет меня силой, дабы я мог перенести все испытания этой жизни, и сейчас я хочу только одного: знать, что вы совершенно не тревожитесь обо мне».

Эта трагедия отнюдь не объединила общей скорбью обе студенческие секты, а, напротив, лишь ожесточила ненависть, какую они питали друг к другу. Среди первых прибежавших на крики Занда и его друга был один из членов «Ландсманшафта», умевший к тому же плавать, но вместо того, чтобы броситься спасать Дитмара, он воскликнул: «Слава Богу, кажется, мы избавимся от одного из этих собак буршей!» Невзирая на такое проявление враждебности, которое, впрочем, могло быть личным и не иметь никакого отношения ко всему обществу, бурши пригласили своих противников принять участие в погребении Дитмара. Ответом им был грубый отказ и угроза помешать похоронам и надругаться над трупом. Тогда бурши предупредили власти, которые приняли меры; друзья же Дитмара сопровождали его тело, держа в руках шпаги. Видя эту спокойную, но решительную демонстрацию, члены «Ландсманшафта» не осмелились привести угрозу в исполнение и ограничились тем, что осыпали похоронную процессию оскорблениями, насмешками и пением куплетов.

Занд записал в дневнике:

«Утрата Дитмара – величайшая потеря для всех и особенно для меня: он отдавал мне избыток своей силы и жизни, сдерживал, подобно плотине, все, что было зыбкого и нерешительного в моем характере. Благодаря ему я научился не страшиться надвигающейся бури, обрел умение сражаться и готовность погибнуть».

Через несколько дней после похорон у Занда произошла из-за Дитмара ссора с давним другом, перешедшим от буршей в «Ландсманшафт»; во время погребения была замечена его неуместная веселость. Назавтра была назначена дуэль, и в тот вечер Занд записывает в дневнике:

«Завтра я должен драться с П. Г. Господи, ты же знаешь, какими мы некогда были друзьями, хотя холодность его всегда внушала мне определенное недоверие; однако в нынешних обстоятельствах из-за его гнусного поведения чувства мои к нему переменились от ласковой сострадательности к глубочайшей ненависти.

Господи, не отнимай своей десницы ни от него, ни от меня, ибо мы будем драться как мужчины, но суди нас по нашим делам и дай победу тому, кто прав. Если ты призовешь меня предстать перед твоим судом, знаю, я

туда явлюсь, отягченный вечным проклятием, так что я рассчитываю не на себя, а лишь на заступничество Спасителя нашего Иисуса Христа.

Но что бы ни случилось, славься вовеки и будь благословен, Господи! Аминь.

Мои дорогие родители, братья и друзья, поручаю вас покровительству Господню».

На следующий день Занд напрасно прождал два часа: противник не явился.

Впрочем, утрата Дитмара отнюдь не произвела на Занда того воздействия, какого можно было бы ожидать и какое, похоже, он сам себе предсказывал, судя по охватившей его скорби. Лишившись сильного духом друга, на которого он мог положиться, Занд понял, что обязан, удвоив энергию, сделать все, чтобы гибель Дитмара оказалась как можно менее катастрофической для их партии. Теперь он один ведет дела союза, которыми они занимались вдвоем, и конспиративная патриотическая деятельность не замирает ни на миг.

Наступили каникулы, и Занд покидает Эрланген, чтобы более уже не вернуться туда. Из Вонзиделя он поедет в Йену продолжать теологическое образование. Несколько дней он проводит со своими родными и отмечает эти дни в дневнике как счастливые, а затем расстается с ними и приезжает в Йену незадолго до Вартбургского праздника.

Праздник этот, установленный в честь годовщины Лейпцигской битвы, стал торжеством для всей Германии, и хотя монархи знали, что Вартбург является центром, где ежегодно производится прием новых членов в тайные общества, запретить праздник не решились. Союз «Тевтония», представленный более чем двумя тысячами делегатов из разных университетов Германии, занимал важное место на празднике того года. Это был для Занда радостный день: среди новых друзей он встретил и множество старых.

Тем не менее правительство, не решаясь атаковать студенческие общества в открытую, повело под них подкоп. Г-н фон Штаурен опубликовал чудовищную статью против них, написанную, как поговаривали, на основе сведений, которые представил Коцебу³³. Эта статья произвела большой шум не только в Йене, но и по всей Германии. То был первый удар, нанесенный свободе студентов. Вот какой след этого события мы обнаруживаем в дневнике Занда:

³³ Коцебу, Аугуст Фридрих (1761–1819) – немецкий писатель и драматург, крайний реакционер и агент Священного союза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.